

БОЙТЕСЬ ДАНАЙЦЕВ, ДАРЫ ПРИНОСЯЩИХ

Анна и Сергей Литвиновы успешно продолжают свою сагу об эпохе покорения космоса. Перед нами роман-биография целой страны с ее взлетами и падениями, промахами и громкими победами. Но это лишь яркий исторический фон, а на первом плане - судьбы героев, линии жизни которых тянутся к преступлению, совершенному в наши дни.

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ «MYJANE».

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Высокие страсти

Анна и Сергей Литвиновы

**Бойтесь данайцев,
дары приносящих**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Бойтесь данайцев, дары приносящих / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2015 — (Высокие страсти)

ISBN 978-5-699-84520-0

Прямо за столиком столичного кафе среди бела дня умирает Валерия Федоровна Кудимова. Следствие быстро выясняет, что непосредственно перед смертью в том же кафе она встречалась с двумя молодыми особами – американкой Лаурой Кортиной, установленной сотрудницей ЦРУ, и русской Викой Спесивцевой, работавшей только на саму себя. Кто из этих двоих погубил ее? А может, был кто-то третий? Или, возможно, причина и разгадка смерти Кудимовой кроется в прошлом – в тех баснословно далеких временах, когда по улицам разъезжали синие троллейбусы и «Волги» с оленем, поэтические чтения собирали стадионы, самой почитаемой профессией был космонавт, а две сверхдержавы, США и СССР, сплелись в смертельной схватке, угрожающей гибелью всему человечеству...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84520-0

© Литвиновы А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна и Сергей Литвиновы

Бойтесь данайцев, дары приносящих

© Литвинова С. В., Литвинов А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Наши дни.

Москва.

Иван Репьев, бармен кафе «Урания»

Когда женщина неожиданно умирает прямо за столиком твоего кафе, это наводит на подозрения.

Но когда этой женщине под восемьдесят, ничего особо странного в этом, согласитесь, нет. Хотя жалко, конечно.

Странно другое: почему, едва мы сообщили об этом факте в полицию, поведав, разумеется, о ее фамилии-имени-отчестве (из документов в сумочке) – Кудимова Валерия Федоровна, – к нам в кафе нагрянуло такое количество людей в штатском, какого я никогда в жизни не видел.

И это были не менты.

Они собрали у всех нас паспорта, общаться друг с другом запретили.

Двое строгих штатских принялись просматривать записи с видеокамер. Двое других устроились в кабинете директора и всех по очереди стали тягать на допрос. А третья парочка беседовала с персоналом за одним из дальних столиков.

Меня стали опрашивать первым. Не случайно: я все время на арене. И столик, за которым сидела старушка, расположен в поле моего зрения – хотя он и самый дальний от меня. Поэтому хоть краем глаза, но я почти все время видел, что там происходит.

Я им, ребятам в штатском, все без утайки рассказал. И так, сначала эта старая тетя, покойница, которую от нас увезли прямо в морг, сидела с молодой девчонкой. Они пили капучино и разговаривали. О чем – я, конечно, не слышал. Но девчонка-собеседница, сказал я им, была похожа на иностранку. Точнее даже, конкретно на американку.

Они сразу схватились: с чего я взял. Я им поведал о своих соображениях – заранее для себя продумал, как объяснить, почему я решил, что девчонка – экспатка: во-первых, она была толстоватой и, главное, не сильно за собой следящей. Наша бы в таком прикиде в кафе на Кутузовском сроду не поперлась: изъеденный маникюр, босоножки без каблучков, ноль макияжа. Русские кадры – они всегда помнят, что к ним в любой момент может подскочить принц на белом коне. А этим все пофиг. Они, америкоски, всегда разделяют: сейчас я иду с подругой встречаться или, там, работать, или на экскурсию. И тогда мне плевать, как я выгляжу. И всем вокруг должно быть совершенно фиолетово. А если я собираюсь на свиданку или отправляюсь вечером снимать в бар мужика – вот тогда я сделаю причесон, лицо наштукатурю, чулочки со стрелками надену.

Эти двое (из ФСБ они, что ли?) внимательно выслушали мои построения, один чего-то даже в блокнот чирикнул. А потом я им и говорю: «А, главное, почему я решил, что она американка, – когда она к столику своему мимо меня проходила, по телефону разговаривала по-английски, и явный она была нэйтив спикер, причем говорила конкретно с американским акцентом». Они сразу прицепились: откуда это я отличаю штатовский акцент от любого другого? А я: потому что говорила она так, что непонятно ни фига, одно бурление: мур-мур-мур да бур-бур-бур. Но допрашивающие оказались въедливыми ребятами. Говорят мне: а у тебя-

то самого как с языком? Может, иностранка с австралийским акцентом говорила? Или, допустим, валлийским? И тогда я им довольно точно продемонстрировал Australian accent, они даже посмеялись. А потом American accent. «Ну, ты артист», – сказал первый, вроде как восхищенный.

Дальше я им рассказал, что просидели старушка с этой американочкой минут тридцать-сорок. Заказали только по бару: одна латте, а вторая – капучино с корицей. О чем конкретно они трындели, я не слышал. Равно и на каком языке. Но, по виду, беседа была мирной и доброжелательной.

– Кто-нибудь из них другой особе что-либо передавал? – спросил первый.

– Или, может, в кофе что-то насыпал? – перебил второй.

– Не знаю, – ответил я, – не видал ни того, ни другого. – И продолжил свое: – А потом американочка ушла, первой. И старушка вроде засобиралась. Подозвала Маринку-официантку и попросила счет.

– Платила за все пожилая гостья? – специально уточнил первый.

– Да, и иностранке это, похоже, понравилось. Она удалилась, и тут к покойнице села, как специально, другая молодая девка. Я даже подумал, – говорю им, – в первый момент, что эта тетенька старая – преподаша, и она здесь зачеты принимает. Хотя, с другой стороны, какие могут быть зачеты у американки? Вот со второй особой, – заметил я, – разговор у пожилой леди пошел иной. Эта вторая девка на старушку в буквальном смысле наседала. Что-то требовала от нее. Что-то резкое прямо в лицо бросала.

– А что конкретно, вы слышали?

– Нет, – говорю.

– А как же вы можете судить, что – резкое? Что она, как вы утверждаете, в лицо обвинения бросала?

– Кому, как не вам, знать, – усмехаюсь, – что язык тела, жестов и мимики является не менее, а порой гораздо более информативным, чем вербальное общение. – Иногда я люблю что-нибудь такое отмочить, псевдонаучное, чтобы собеседники под стол попадали. Особенно в разговоре с подобными истуканами без ч/ю, то есть чувства юмора.

Они переглянулись и давай меня вопросами закидывать. Долго ли длилась их беседа? Хорошо ли я рассмотрел эту русскую девчонку? Видел ли ее раньше? В какой момент она пришла в бар? Где сидела, пока покойная разговаривала с американкой? Могла ли слышать их беседу? Сразу ли после ухода американки подошла к столу погибшей? Как они поприветствовали друг друга? Что она сказала на прощание? Может, эта вторая, русская девушка, когда уходила, коснулась чем-то этой старушечки? Уколола ее, допустим? Или опять-таки в кофе ей чего влила?

Я им отвечал следующее: «Девчонка эта, русская, как специально, на контрасте с предыдущей гражданкой, выглядела прекрасно. Хорошая прическа, легкий макияж, маникюрчик, каблучки. Не стопроцентная красавица, не лялька какая-нибудь, но весьма эффектная. И такой у нее – огонь, типа, в глазах. Не снулая какая-нибудь. Я бы с ней с удовольствием пообщался неформально. Нет, раньше я ее никогда не видел, ни у нас в кафе, ни где бы то ни было еще, и вообще у меня почему-то сложилось впечатление, что она не москвичка. Приезжая. Почему, не знаю. Может, потому, что по жизни менее суровая, чем столичные штучки, более открытая. Так мне показалось. Ничего она старушке в кофе не подливала и никакой ей укол зонтиком не делала. Поговорили они, довольно резко, а потом девушка ушла, причем раздосадованная. А старушка за столом осталась. После чего, минут через пять, вижу я: бабка эта все сидит, не шевелится, и головенку набок повесила. Я Маринку, официантку, тут подозвал и говорю: пойди-ка, посмотри, твоему клиенту нехорошо. А Маринка через минуту ко мне прибегает, глаза вытаращила: че делать?! Тетенька эта, по ходу, умерла!

На следующий день

Смерть в кафе на Кутузовском на следующий день обсуждали в настолько высоком кабинете, что в него, казалось, никак не может долететь смерть столичной старушки.

Докладывал мужчина лет сорока пяти, одетый в шегольской костюм с шейным платком, заметно обрюзгший, и все называли его «товарищ подполковник». Товарища подполковника мог бы узнать бармен Репьев, потому что именно он распоряжался оперативниками, прибывшими в кафе «Урания» по случаю скоропостижной смерти пожилой гражданки Кудимовой Валерии Федоровны. Слова лились непринужденно, однако к докладу явно тщательно готовились – об этом можно было судить хотя бы по тому обстоятельству, что на подмогу говорящий призвал технические средства, которые транслировали на экран необходимые схемы и фотографии.

Однако главным в кабинете был человек, которого все именовали «товарищем генералом». Он расположился во главе стола и вел заседание. Еще двое из собравшихся в кабинете ходили в полковничьих званиях. Впрочем, род службы у них всех был таким, что мундиры они надевали не чаще раза в год – для фотографии в личное дело и по случаю представления начальству в новом звании. Вот и теперь все шестеро, включая отставников, были в штатском, в хорошо сшитых импортных костюмах. Итак, докладывал подполковник, а остальные, уважая друг друга как профессионалов, внимательно слушали и временами, не чинясь, задавали уточняющие вопросы.

– Судя по первым результатам вскрытия, смерть Валерии Федоровны Кудимовой наступила от естественных причин. Обширный инсульт. Исследования экспертов еще будут продолжаться. Учитывая личность погибшей, мы не должны исключать вариант, что имело место использование отравляющих веществ, в том числе неизвестных нам и трудно распознаваемых, – однако на данный момент это представляется маловероятным. По поводу обстоятельств гибели Кудимовой установлено следующее. Вчера, в пятнадцать часов ровно, у нее должна была состояться встреча в кафе «Урания» на Кутузовском проспекте со связной из ЦРУ и передача последней ряда материалов оборонного характера. О предстоящей встрече Валерия Федоровна известила своего *нынешнего* куратора. – Кивок, который сделал докладчик, был обращен к одному из штатских. – Материалы, по большей части дезинформирующего характера, мы для передачи заблаговременно подготовили. Встреча состоялась в пятнадцать ноль пять. Связником Кудимовой со стороны главного противника в настоящее время является Лаура Кортина.

На экране появилось изображение, сделанное скрытой камерой на московской улице: чуть полноватая, неряшливая и расхлябанная девушка со средиземноморской внешностью.

– Лаура Кортина, двадцати шести лет, работает в Москве под видом преподавателя английского языка одной из языковых школ в течение последних десяти месяцев. Она является связником для Кудимовой, или агента ЦРУ «Сапфир». По настоянию американского центра Валерия Федоровна не только передавала Кортине информацию оборонного характера, но и проводила с нею беседы, посвящая в несекретные или потерявшие актуальность вопросы функционирования ракетно-космического комплекса СССР и России. Беседы проводились под предлогом уроков английского, которые Валерия Федоровна брала у Кортины. Вчера в кафе «Урания» Лаура Кортина прибыла первой, в 14.52. – На экране появился снимок, сделанный камерой наружного наблюдения у входа: полноватая девушка открывает дверь. – Она заняла место за столиком, который не просматривался камерами наблюдения, расположенными внутри кафе. – Щелчок компьютерной мышью, и высветилась схема расположения столиков в кафе, а также камер, крестиком отмечено место встречи. – Спустя пятнадцать минут, в пятнадцать ноль пять, в кафе прибыла Кудимова. – Возникло новое изображение с того же ракурса: в заведение входит высокая пожилая женщина, с лошадиным лицом и большими руками и ногами. – Она садится напротив Кортины. Разговор между ними продолжался

около получаса, плюс-минус пять минут. По свидетельству сотрудников кафе, беседа носила мирный, дружеский характер. Вероятно, в ходе ее Кудимова передала Кортине флеш-диск с секретной информацией – во всяком случае, при покойной он обнаружен не был. Затем Кортинина покинула заведение, а Валерия Федоровна осталась за столиком. Примерно через двадцать минут Кудимова скончалась.

– Убийство? – колыхнулся один из полковников. – Эта американка отравила своего агента?

– Невероятно! – откликнулся другой. – Каков смысл, мотивация?

– Допустим, я сейчас фантазирую на ходу, противник, наконец, узнал, что Валерия Федоровна была все эти годы двойным агентом. И они решили с ней расправиться. Отомстить. Совершить акт устрашения.

– Чрезвычайно непрофессионально, – заметил хозяин кабинета. – Трудно представить, чтобы нечто подобное вообще могло случиться. Очень сомнительно, что наши коллеги из Лэнгли решили в один прекрасный момент нарушить все конвенции. Разведчиков не убивают.

– Может быть, эксцесс исполнителя? – упорствовал первый. – Допустим, личные неприязненные отношения, которые сложились у Кудимовой с этой Кортиной? Она ей за что-то, к примеру, мстила?

– Еще более непрофессионально.

– В любом случае, – прервал обсуждение председательствующий, – версия требует проработки. Поэтому следует эту Кортину вызвать в полицию на допрос – наша полиция ведь должна расследовать внезапную смерть, не правда ли? – и под прикрытием дознавателя побеседовать с ней. Займитесь этим, подполковник, – он кивнул докладчику.

– Слушаюсь. Однако должен доложить, что между встречей с американкой и моментом смерти Кудимова имела еще один контакт – как я понимаю, совершенно не запланированный. Примерно в пятнадцать сорок за ее столик уселась некая Виктория Спесивцева. – На экране вспыхнула новая фотография с камеры видеонаблюдения: девушка, не старше тридцати, хорошо одетая, в солнцезащитных очках, возникает на пороге «Урании». Затем появилась другая фотография все той же особы – официальная, с паспорта, и докладчик прочитал установочные данные на нее: – Спесивцева Виктория Викторовна, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, постоянно проживает в городе М. по адресу ***, работает в городе М., в компании «Властелин-М», не замужем, образование высшее. Допуска к секретным сведениям не имеет, в связях с экстремистскими организациями и контактах с установленными агентами иностранных разведок не замечена. Ничего компрометирующего ее, кроме штрафов за превышение скорости, не найдено. Контактных с Кудимовой в прошлом она не имела. Итак, вчера, около пятнадцати часов десяти минут, то есть практически следом за Валерией Федоровной, Спесивцева входит в то же кафе. Около двадцати минут она сидит в одиночестве – там, откуда хорошо просматривается столик, за которым находятся Кудимова и Кортинина. – Щелчок мыши, возникла схема кафе, которая дополнилась еще одним крестиком: местом расположения новой гостьи. – Разговор американки с Валерией Федоровной, как свидетельствует следственный эксперимент, ей слышен не был. После того как Кортинина уходит, а Кудимова остается (время – около пятнадцати часов сорока минут), Спесивцева подсаживается за столик к последней. Начинается их разговор – как свидетельствуют сотрудники кафе, происходит он напряженно, на повышенных тонах. Девушка явно чего-то требует у пожилой женщины. Та не соглашается. В чем конкретно состояла суть конфликта, никто не показал. Наконец, примерно после десяти-пятнадцати минут общения, Спесивцева, раздосадованная, покидает кафе. Через две-три минуты бармен обращает внимание на плохое самочувствие Кудимовой. К ней подходит официантка – и они вместе с барменом немедленно вызывают

полицию и «Скорую помощь». «Скорая помощь» прибывает через девять минут и констатирует смерть.

– Давайте подробней про Спесивцеву, – прервал говорящего генерал. – Зачем она приехала из своего М.? Что делала в Москве? Какого черта отправилась к Кудимовой?

– Моими сотрудниками проделана большая работа, – кивнул докладчик. – Люди практически ночь не спали. – Председательствующий поморщился на столь неприкрытый пиар трудовых усилий, однако подполковник настолько быстро проскочил момент саморекламы, что его и упрекнуть было невозможно, и продолжил в прежнем темпе: – Анализом видеокамер наблюдения, биллингом телефонных переговоров, а также опросом свидетелей удалось установить следующее: Спесивцева, оформив по месту работы отпуск на семь дней, прибыла в Москву четвертого дня. Остановилась в квартире, которой она владеет на правах собственности по адресу: проспект Мира, дом ***, квартира ***. Позавчера, представившись корреспонденткой газеты «К-ский вестник», встречалась с председателем совета ветеранов предприятия «Авиамоторостроительный завод» Георгием Михайловичем Пайчадзе. Мои орлы поговорили с Пайчадзе, и он сообщил им, что у него создалось впечатление, будто главный интерес у этой так называемой корреспондентки вызывали, кто бы вы думали, Валерия Федоровна Кудимова и Федор Кузьмич Старостин...

– Минутку! – остановил докладчика генерал. – Старостин Федор Кузьмич – отец Валерии Федоровны?

– Именно! – торжествуя воскликнул подполковник. – Старостин, генерал-лейтенант МГБ в отставке, некогда прикрепленный сотрудник и бывший секретарь парткома авиастроительного завода, скончался в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году.

– Значит, эта девчонка, Спесивцева, – уточнил один из полковников, – зачем-то стала ворошить прошлое нашего агента?

– Совершенно справедливо замечено! – поднял указательный палец докладчик. – Что доказывают ее дальнейшие действия. В тот же день Спесивцева посетила Радия Рыжова, армейского подполковника в отставке, проживающего в дачном поселке Черенково, и провела в его доме ночь.

– Радий Рыжов? – нахмурился генерал. – Это еще кто такой? И какая между всеми ними связь?

– Как нам удалось установить, – с почти нескрываемой гордостью проговорил докладчик, – Рыжов обучался в московском авиационном институте с пятьдесят третьего по пятьдесят девятый год – в одной группе с Валерией Федоровной Кудимовой, в девичестве Старостиной.

– И впрямь – эта Спесивцева взялась ворошить прошлое, – заметил генерал.

– На следующий день, вчера, Спесивцева с утра побывала на Богословском кладбище в Москве, где, как нам удалось установить, интересовалась могилой – как вы думаете кого? – Федора Кузьмича Старостина. После чего отправилась к месту жительства Валерии Федоровны на Кутузовский проспект и начала вести за ней наружное наблюдение. Дважды при этом ей звонила, по городскому домашнему телефону и по мобильному, разговоры продолжались три и пять секунд соответственно – только успеешь «алло» сказать. Когда Кудимова вышла из дома, Спесивцева последовала вслед за ней – и оказалась в кафе «Урания».

– С чего у молодой девчонки, – вдруг воскликнул один из участников совещания, – вдруг возник такой интерес к Федору Кузьмичу Старостину, который и умер-то лет тридцать назад?!

Ему никто не ответил. Генерал почесал подбородок.

– Спесивцева... Рыжов... – сказал он. – Где-то я уже слышал, в связи с Кудимовой, эти фамилии...

– Именно! – ликуя кивнул подполковник-докладчик. – Наверняка слышали.

– Вы хотите сказать: опять всплыло то, старое дело?!

– Так точно! Прошлое – оно ведь такое: если его как следует не похоронишь, оно не отпускает.

– Красиво говорит, а? – усмехнулся генерал, апеллируя к другим участникам совещания, и все они верноподданнически засмеялись. – Все ясно, подполковник. Давай, бери за жабры эту Спесивцеву и прессуй ее хорошенько: почему конкретно она Кудимову хотела убить, а главное, как ей это удалось.

Московская область, город Королев.

Владислав Иноземцев

В институте ЦНИИМаш, бывшем НИИ-88, ему предложили выделить машину, но он отказался. И на своей тоже к ним не порулил. Охота была по пробкам полдня торчать!

Иное дело – электричка. Поедет он в противоположном потоке направления: утром отправится за город, в сторону Подлипок, вечером вернется в Москву. Поэтому столпотворения в вагоне не будет. Владислав Дмитриевич спокойно сядет на свободную лавку, еще раз просмотрит тезисы своего выступления. А вечером, после лекции, поглядит в окошко, поностальгирует. Сколько он уж не ездил на электричках? С тех пор как из «королевской фирмы» (как он по старинке называл свое место службы) уволился и перешел на преподавательскую работу, в столице осел. А дачи у него нет. Значит, к электропоездам не подходил лет двадцать – двадцать пять. И один Бог теперь знает, когда доведется еще поехать.

Ярославский вокзал поразил его препонами и барьерами на пути к электропоезду. Раньше секретные предприятия с таким рвением не охраняли. Даже мышь, казалось, на платформу не проскочит. Автоматы, турникеты. Охранники, как церберы, неотрывно следят за проходящими. Нет, он, конечно, не с луны свалился и знал, что на железной дороге всюю борются с безбилетниками – но не думал, чтобы настолько вдумчиво, не на жизнь, а на смерть. В его времена, как он помнил, действовал лозунг: совесть – лучший контролер. И всерьез считалось, что тетки, которые, может, раз в месяц билетики в поездах проверяли, скоро и вовсе отомрут – за ненадобностью.

Однако вместо объявленного к восьмидесятому году коммунизма в стране к девяностому неожиданно наступил капитализм.

Его громогласными вестниками стали в том числе продавцы разнообразнейшего скарба, которые проходили вагон один за другим, во всю ивановскую рекламируя свой товар – иные даже с микрофонами: лейкопластыри! обложки на документы! экраны от солнца! наборы фло-мастеров! средства от запаха в дачном туалете! от комаров! пятновыводители! губки! заводные вертолеты! Сосредоточиться на работе стало совершенно невозможно, Иноземцев плюнул и решил посмотреть в окошко. Денек летний, солнечный, яркий. Листва молодая – в такую пору даже суетная Москва преображается, что говорить о пригородах!

Пролетели Маленковскую – а ведь он еще помнит живого Маленкова, и как его сняли, и как они, студенты – Вилен Кудимов, Радька Рыжов, Лерка Старостина (ставшая вскоре Кудимовой), – ходили по Москве и голосили невесть кем сочиненную песню: «Нас не купишь ни водкой, ни золотом, не страшна нам враждебная сила: Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов». Шел пятьдесят седьмой год, всего ничего времени прошло, как умер ужасный усатый вурдалак, при котором не то что спеть или вымолвить что-нибудь запретное – подумать боялись. Но в пятьдесят седьмом легкая фронда уже не возбранилась, холодила сердце. А теперь никто и не помнит, кто такой Маленков – а ведь был премьер-министр, вальняжная, весомая фигура, не чета нынешним. Георгий Максимилианович, шутка ли! Кстати, станция Маленковская, вспомнил Владик, говорят, на самом деле не имеет к нему отношения, а не то, как попал Маленков в опалу, ее б живо переименовали.

А вот Лосиноостровская. Эта остановка к нему, Владику, непосредственное отношение имела. Он здесь в начале шестьдесят второго года снял квартиру – до сих пор помнит адрес:

улица Коминтерна, а дальше... забыл? Да, выходит, забыл. Но навсегда запомнил, как впервые привозил сюда Галку. И как потом жил здесь вместе с Юрочкой.

Эх, Галка, Галка... Вторая жена, Марина, была ей не чета: ровная, спокойная, хозяйственная, рассудительная. Только благодаря Маринке и ее заботе он дослужился до доктора наук и профессора. А ведь в технических дисциплинах, да в советское время, это куда как сложно было. Марина оказалась прекрасной супругой, любящей и заботливой. Но почему сейчас он все чаще вспоминает не ее, покойницу, – а Галю?

Почему Галя, бывает, снится ему по ночам? Почему по ней, матери их единственного сына, он все чаще скучает? Почему ему так хочется повидаться с ней? Почему так жаль, что в своей жизни он не удержал ее? Почему ее судьба и характер, строгий и прямой, снова привлекают его?

Москва.

Галя

– Девушка, вы выходите?

Она вздрогнула и обернулась.

Молодой парень, стоявший позади нее в троллейбусе – чистый, румяный, кровь с молоком, – когда увидел лицо очень немолодой женщины, аж покраснел.

– Ой, извините.

– Ничего. Мне даже нравится. Только не называйте меня теперь, чтобы исправиться, бабушкой. Да, я выхожу.

Она не спеша спустилась по ступенькам троллейбуса – увы, куда-то навсегда исчезла прежняя прыть. А парень, сбежавший сзади по ступенькам, порскнул по своим делам, даже не попрощавшись.

Что ж, неудивительно, что он обознался. Она ведь до сих пор, как говорится, сзади пионерка, спереди пенсионерка.

Галя вышла на Ленинском проспекте, на площади с памятником Гагарину. Сорокаметровый Юра Самый Первый, изготовленный из титана, стоял в «тадасане» – йоговской «позе горы», устремленный ввысь, к небу. Странно, что идеологические начальники в восьмидесятом, когда этот монумент в ударном порядке открывали к Московской олимпиаде, связи памятника с полузапретной и подозрительной тогда йогой не заметили и скульптора не поправили. Впрочем, кто из чиновников мог знать тогда, что такое «тадасана»?

Вот он кем стал, Юра, сорокаметровым титановым человеком. А ведь он для нее когда-то был просто Юркой. Все они тогда были друг для друга Юрками, Лешками, Гришками, Вальками, Галками. Но он и тогда был лучшим: самым веселым, красивым, компанейским, заводным. А может, на него тогда уже лег солнечный отсвет его всемирной славы, и это приподнимало его над другими? Так или иначе, он и впрямь был номер один. И как жалко, что он был женат. И строгие, более чем монашеские нормы первого отряда никогда бы не позволили ему уйти из семьи. А увести его хотели бы многие – ясный, умный, заводной, веселый и бесстрашный – он был образцом настоящего советского парня.

Слезы подкатили к горлу, выступили на глазах, едва не полились по щекам. Прохожие с удивлением оборачивались на нее: стоит бабка, стройная, хорошо одетая, на провинциалку не похожая, пялится на памятник и едва не плачет. Нет, нет, надо прекратить эту мерехлюндию и влиться в бодрый столичный ритм, помчаться по своим делам – тем более ноги пока носят, сердце бьется ровно. И даже на вышеупомянутую йогу она трижды в неделю в близлежащий спортклуб ходит – правда, перевернутые асаны больше не делает. Как там они балагурили пятьдесят лет назад в Звездном городке (который тогда еще не назывался Звездным): «Почему нас отбирали – по здоровью, а спрашивают теперь по уму?» Шутку, кажется, он и пустил в оборот – Юра Самый Первый.

Зазвонил мобильный телефон. Пока она порылась в сумочке, пока нашла, достала – он перестал верещать. Галя чертыхнулась. Все-таки годы сказываются – быстродействие уже не то. Да и сноровки обращаться с гаджетами не хватает. Пока пожилая женщина, достав очки, пыталась рассмотреть на определителе номер абонента, сотовый зазвонил снова. Она схватила трубку. Раздался знакомый голос: «Алло!» Бывший муж Владислав Дмитриевич Иноземцев. Она рывкнула в трубку:

– Это ты сейчас звонил?

Он почти испуганно пробормотал: «Ну, я».

– А чего так быстро отбиваешься?

– Ты не отвечала, а потом прервалось. Извини.

– Ладно, черт с ним. Чего ты звонишь? Говори.

– Ты не слышала?

– Чего?

– Лерка Кудимова умерла.

1961 год.

Полигон Тюратам (космодром Байконур).

Владислав Иноземцев

Весь шестьдесят первый год Владислав Иноземцев провел на полигоне.

Тогда никто не называл это место Байконуром. Все, кто был допущен, именовали его «полигоном», или «технической позицией», или, сокращенно, «ТП». А вся остальная страна и весь мир не имели права даже догадываться – и не догадывались! – откуда это русские раз за разом пуляют к звездам космическими ракетами.

Секретно было все: где производят ракеты, как они выглядят, кто их делает, на каком топливе они летают и откуда их запускают. То место, что впоследствии назовут «космодромом Байконур», от реального городка Байконур отстояло километров на четыреста. Ближайшая к полигону железнодорожная станция именовалась Тюратамом. Единственный останавливающийся тут поезд «Москва – Ташкент» стоял две минуты.

Имелся на полигоне и свой аэродром – однако самолетом сюда прилетали небожители: главные конструкторы ракет, их замы, другие видные специалисты из разных КБ, расположенных в Подлипках, Химках, Днепропетровске, Куйбышеве¹, Реутове. Ну, и генералы, конечно, маршалы, члены ЦК и ВПК², а также космонавты. Более мелкие граждане доставлялись на техпозицию по железной дороге. Поездом возвращались сюда офицеры-отпускники или прибывали вновь назначенные лейтенанты. Эшелонами, порой в товарных вагонах, завозили солдат-срочников.

Военные тут преобладали. Официально полигон назывался НИИП-5: Научно-исследовательский полигон номер пять министерства обороны, и девять десятых его обитателей, если не девяносто девять из ста, составляли люди в погонах. Гражданские специалисты, такие как Владик, назывались прикомандированными.

Когда Владика на полигоне становилось невмогуту и имелось, что немаловажно, свободное время, с так называемой второй площадки, где он жил и трудился, до полустанка Тюратам можно было подъехать – километров тридцать на попутном самосвале или мотовозе. Одеться цивильно. Белая рубашечка, галстучек-шнурочек, полуботинки. А когда скорый ташкентский тормознет – договориться с проводником. Заскочить в поезд. Посидеть в вагоне-ресторане. Распить бутылку крымского портвейна или грузинской хванчкары. Поглазеть или, если повезет, поухаживать за какой-нибудь столичной или хотя бы ташкентской

¹ Ныне город Самара.

² ВПК – Военно-промышленная комиссия.

фифой. Сойти в Казалинске или даже Аральске. Прогуляться по пыльному поселку. Зайти в магазин. А потом – вернуться назад, в свой мужской монастырь попутным товарняком, на площадке или даже на крыше. Привезти соседям по общежитию или Радику Рыжову бутылку цинандали или армянского коньяку. Горячительное на полигон доставлялось исключительно контрабандой: здесь действовал сухой закон.

Поезд «Москва – Ташкент» находился под пристальным оком КГБ. Советских пассажиров особо не отслеживали, но если вдруг становилось известно, что на него взял билет иностранный гражданин, на полигоне объявлялся план «скорпион-два»: во время прохождения состава прекращались всяческие работы и объявлялся режим радиомолчания. По плану «скорпион-один», когда разведка доносила, что из Турции по направлению к Советскому Союзу отправлялся американский самолет-шпион «У-два», также следовало затаиться. А в шестьдесят первом появилась новая тревога «скорпион-три»: если над полигоном пролетал вражеский спутник-разведчик. Американские спутники-шпионы в шестьдесят первом уже летали. Советские – пока нет.

По поводу планов по соблюдению секретности местные остряки шутили, что имеется еще команда «скорпион-четыре»: когда на тюратамовских объектах появлялся лично Сергей Павлович Королев. Формально главный конструктор подлипкинское ОКБ-1 Королев для местной публики – в большинстве своем, как было уже сказано, военной – был никем. Никто, от начальника полигона полковника Захарова до рядового заправщика, не обязан был его слушаться. Но слушали – все. Когда он появлялся («Внимание! План «скорпион-четыре»!), всем вокруг будто бы скипидара в штаны наливали (по выражению шутника Радия Рыжова). Народ начинал быстрее шевелиться, яснее мыслить, точнее считать и генерировать острые идеи. Главный конструктор сам был неизменно заряжен на Дело (в самом высоком, с большой буквы, смысле) и всех вокруг заставлял крутиться и думать.

Тогда, в шестьдесят первом, никто не использовал еще, в устной и письменной речи, слова «харизма» – говорили в лучшем случае «магнетизм». Или «целеустремленность». Так вот, магнетизм, воля и упорство товарища Королева оказались такими, что их хватило, чтобы СССР первым в мире забросил полезный груз на орбиту Земли и первым отправил в космос человека. И спустя пятьдесят с лишним лет, оценивая бывшее, Владислав Дмитриевич Иноземцев очень хорошо понимал: когда бы не было столь устремленного к звездам главного конструктора, когда бы случайно не выжил Королев в сталинской мясорубке – тогда вряд ли произошло бы одно из немногих событий, оправдывающих существование Советского Союза и весь российский двадцатый век, а именно: первый прыжок к звездам.

Владу повезло быть рядом с Королевым в бункере, когда в космос запускали Юру Самого Первого. В тот момент он понял, что ни в коем случае не согласился бы поменяться с космонавтом местами. Ни за какую славу и деньги. В крохотной капсуле взгромоздиться на вершину гигантской сигары, заполненной почти тремястами тысячами литров взрывчатой смеси... По сути, заменить собой БЧ – боевую часть ракеты, проще говоря, ядерную бомбу. Подняться на высоту десятиэтажного дома, скорчиться в кабине, откуда ни шиша не видно, а потом дать кому-то постороннему подорвать под собой тонны горючего вещества... А после нестись непонятно куда, кувыркаясь, в абсолютно безвоздушном, враждебном пространстве... И, главное, ни на что не мочь повлиять, ничего не умея поделать, ничем не управляя... Бр-р-р...

По радио он слышал потом и в газетах и журналах читал (никакого телевидения на полигоне не было) бравурные рапорты о том, что «советская техника сработала отлично, все системы корабля действовали, как часы». Владик, в отличие от обычных жителей Страны Советов и мировой общественности, знал, что из шести полетов, предшествовавших запуску «Востока», только два были полностью успешными. И только в четырех подопытные собачки вернулись на Землю живыми-здоровыми.

Владик еще в ходе полета Юры Самого Первого, в бункере, первым высчитал, что космонавта закинули над планетой на восемьдесят километров выше, чем планировалось. И, значит, если бы тормозные двигатели вдруг не сработали, то человек никогда не возвратился бы домой. Через десять суток у него кончился бы воздух, он умер бы от удушья, а корабль с мертвым телом носился бы у всех над головами еще в течение двух-трех лет.

Спустя пару месяцев после полета Юры Первого до Владика, как до одного из разработчиков корабля «Восток», довели совершенно секретный отчет первого космонавта о полете. Владик читал его (в особом отделе, под роспись) и хорошо понимал, что были моменты, когда жизнь космонавта висела на волоске. Например, когда приборный отсек не отделился, как планировалось, от спускаемого аппарата, и в течение десяти минут, пока не сгорели специальные текстильные ленты, пилот кувыркался в своей капсуле, не понимая, что происходит и что с ним дальше будет. Или когда при посадке не открылся клапан, подающий в скафандр воздух.

Однако, на удачу Королева, Юры Первого и Никиты Сергеевича Хрущева, все обошлось. Бог и судьба в очередной раз охранили Россию. Счастье, охватившее россиян, было тогда безмерным. А Владик с Радием на полигоне попросту банально напились. Юра Самый Первый полетел в среду, и до следующего понедельника всем объявили, гласно или негласно, выходной. А спирт начальство выписывало по норме: чайник на человека.

Но то был один из немногих праздников или хотя бы выходных. Обычно все время занимала работа. Потом, много позже, вспоминая тот свой год, проведенный на космодроме, Иноземцев уподоблял его для себя монашескому постригу. В самом деле: как братия, они жили исключительно мужским коллективом. Существовали скудно: он, к примеру, обитал в комнате на пятерых, с удобствами в конце коридора, с водой для умывания, подающейся по расписанию, и мытьем раз в неделю в бане (или, летом, в Сыр-Дарье). Питались они погано. Трудились, как положено братии, днем и ночью. Правда, не молились – но мечтали о звездах. А первого человека забросили в космос во время Светлой Седмицы – об этом он, комсомолец, впрочем, узнал совершенно случайно, из письма своей бабушки Ксении Илларионовны, которая старорежимно поздравляла его с Пасхой. Пасха, оказывается, тогда, в шестьдесят первом, случилась девятого апреля. Юра Самый Первый полетел как раз в среду пасхальной недели.

Потом Владика не раз поражало задним числом, как могла сочетаться тогда полнейшая убогость быта – и его самого, и большинства советских людей – с устремленностью к звездам и тем, что они стали первыми. В те времена рассказывали анекдот: корреспондент звонит домой Гагарину, трубку берет дочка. Журналист спрашивает: «Можно ли поговорить с Юрием Алексеевичем?» Дочурка отвечает: «Папа находится на околоземной орбите, опустится в одиннадцать часов». «А мама?» – продолжает настойчивый щелкопер. «А она пошла в магазин за маслом, там очередь, поэтому, когда вернется, я сказать не могу».

Анекдот – анекдотом, но другой, самый что ни на есть реальный случай из советской жизни тоже поразил Иноземцева. В тот день, когда Юра Самый Первый стартовал, его отец отправился в соседнюю деревню, подработать. Подшабашить, как тогда выражались. (Был отец плотником, и, говорят, неплохим.) Разумеется, о том, что Юра готовится в космонавты, отец не знал. О том, что он полетит и когда, – не ведал. А тут – случается вдруг такой всесоюзный или даже всемирный бемц. Местное начальство получает строжайший приказ: всю семью героя немедленно доставить в Москву для дальнейшего чествования. Хватились отца героя, звонят в сельсовет: мы немедленно вышлем за ним машину. Там смеются: машина не пройдет, даже «газик»: весна, распутица. «Тогда у военных возьмем бронемашину!» – «Не надо, – отвечает отец героя, – я пешком дойду, или лошадь мне дадут, доеду». Вот и получалось: дорогу в космос (как претенциозно восклицали журналисты) советские люди прокладывали, а обычных дорог в стране была явная нехватка.

Так и на полигоне. В паре километров от ракеты, стартовавшей в космос, они жили в общежитии, больше похожей на барак. Притом Владик монахом не был, никаких обетов не давал

и постриг не принимал. И был здоровым двадцатишестилетним парнем, который страшно скучал по Москве (к которой успел привязаться), по годовалому сыну и даже по жене. Последнее было, возможно, странным, потому что Галя ушла от него и вот уже год как жила с другим. Да Иноземцев и сам крутил роман на стороне, с болгаркой Марией. Но поди ж ты. Именно жена Галя являлась ему на полигоне во снах. Именно о ней, а не о Марии чаще вспоминалось ему наяву. Да еще, как назло, его счастливый соперник, генерал Провотворов, привозил на полигон для запуска Юру Первого и его коллег. Ходил в форме, блистал золотом погон, крутился рядом с Королевым и другими главными конструкторами, а столкнувшись с Владиком в бункере, сделал вид, что не признает его.

Тогда Иноземцев написал Галине письмо. Он постарался сделать его сдержанным и мужественным, но чтобы в духе современного американского прогрессивного автора Хемингуэя в подтексте проступила не изжитая еще любовь к ней и, конечно, к сыну. Адреса, где нынче супруга проживала, Владик не ведал. Знал лишь – в доме правительства, у Большого Каменного моста, в квартире генерала Провотворова. Наверное, письмо дошло бы – к корреспонденту, направленной в столь важный дом, почта относилась с особым пиететом. Однако зачем компрометировать Галю (и себя) перед соперником? На счастье, Иноземцеву было известно место работы супруги – в одном «ящике» служили. В открытых документах ОКБ-1 (где руководил Сергей Павлович Королев) именовалось: п/я (почтовый ящик) 651. Туда брошенный муж и адресовал свою корреспонденцию. Зная, что ее прочтут как минимум два цензора – особист на полигоне плюс секретчик в первом отделе в ОКБ, – он постарался ненароком не выдать в своем послании ни единой военной или государственной тайны, к каковым, конечно, относилась та географическая точка, где он находится, то, чем он занимается, и даже климат и погода в местах его пребывания. Поэтому задача перед Владиком стояла сложная и даже опасная. Но недаром он в школе пятерки по сочинениям получал и даже на вступительном экзамене в авиационный «отлично» схлопотал. Его учительница литературы, из ссыльных, им бы гордилась.

«Дорогая Галя, – начал он, – я рад приветствовать тебя и нашего сына из далеких-предалеких краев нашей родины, раскинувшихся в Энской области, на берегу полноводной Энской реки, возле города Энска. – На полигоне особистами, как правило, служили молодые ребята, вряд ли они будут возражать против его незатейливой иронии, может, и сами посмеются. – Заняты мы тут важным и интересным делом, – продолжал он, – какие-то отголоски его ты даже слышишь, но рассказывать я тебе о нем не могу. Лучше расскажи ты мне: как Москва? Что нового появилось в нашей столице? Ходишь ли ты купаться в новый бассейн «Москва» – он ведь совсем рядом от твоего нынешнего местожительства? Построен ли уже Дворец съездов в Кремле? А будущий кинотеатр «Россия» на Пушкинской площади? Да, темпы, с которыми вырастают новые здания, сооружения и кварталы, поистине поражают. Удалось ли замкнуть кольцевую дорогу вокруг столицы? Я тут, кстати, читал журнал «Смена» о перспективах развития нашего любимого города, и, представляешь, оказывается, принято решение построить в Фили-Давыдково гигантскую Страну Чудес для развлечения детишек – надеюсь, мы с нашим сыном туда скоро выберемся. И еще, пишут, собираются соединить монорельсовыми дорогами все аэропорты Москвы – Шереметьевский, Внуковский и строящийся Домодедовский – с центром нашего города. Впрочем, довольно странно, что я тебе рассказываю новости о лучшем городе Земли. Это только еще раз доказывает, как я по нему соскучился. Напиши, пожалуйста, как у вас дела? Что нового ставит «Современник»? Театр Сатиры? Удалось ли тебе наконец увидеть в Большом Плисецкую? Я думаю, в нынешних условиях у тебя появилось гораздо больше возможностей, чтобы доставать дефицитные театральные билеты. – Последняя фраза представляла собой явный экивок в сторону чрезвычайных потенциалов генерала Провотворова, с коим сожительствовала Галя. – Впрочем, скажи мне лучше, как наш сын? Сколько у него уже выросло зубиков? Насколько уверенно он передвигается по земле? Не ставит ли себе

синяки и шишки? Гуляешь ли ты с ним? В каких местах конкретно? Читаешь ли ему книжки? Что ты читаешь сама? К нам тут приехал недавний «маевец», рассказывал, что вся Москва зачитывается новой вещью Василия Аксенова – «Звездный билет», опубликованной «Юностью». Он поведал, что по поводу этой вещи в писательских кругах был скандал, и даже главного редактора Валентина Катаева уволили. К нам в библиотеку «Юность», конечно, поступает, да только очередь на нее ужасная, на целый год растягивается. А после подобной рекламы до меня, боюсь, она не дойдет никогда. Читала ли ты эту повесть? Сможешь ли сохранить журнал до моего возвращения?»

Владик пару минут поколебался, оставить ли информацию о приезде на полигон «маевца», то есть выпускника Авиационного? И о снятии Катаева? Вроде бы темы скользкие, но, с другой стороны, почему они должны взволновать цензоров на полигоне и в ОКБ? Корреспондировать с постоянной оглядкой, что можно, что нельзя, было довольно утомительно, и Владик решил, что в следующий раз передаст послание Гале с нарочным. Ведь из ОКБ на полигон постоянно мотаются гражданские спецы – но ведь не к каждому с подобной просьбой подойдешь, не каждому доверишься – да и не всякий согласится. Теперь предстояло закончить: умно, ярко, с любовью – но сдержанно. Владик погрыз карандаш и завершил послание следующим:

«Знаешь, я почему-то часто вспоминаю, как делал тебе предложение. Как, преодолев страх и неизвестность, прыгнул к твоим ногам с парашютом, желая произвести на тебя максимально выгодное впечатление. И ведь ты согласилась – и мы с тобой прожили вместе больше года, и родили Юрочку – и сейчас я вспоминаю эти наши с тобой дни в домике в Болшево как самые лучшие в моей жизни. Даже соседка-хозяйка тетка Дуська кажется мне теперь гораздо более симпатичной». – Тетку Дуську он приплел, чтобы маленько снизить любовный и ностальгический пафос и Галка уж совсем не задавалась.

Он перечитал письмо, сложил и запечатал конверт.

Ответ от Гали пришел неожиданно и быстро и оказался на удивление теплым. Тому имелись свои причины.

Москва.

Галя

Прошел год, как ее похитил генерал Провоторов, а она снова стала чувствовать себя так же, как раньше, в доме у свекрови, матери Владика. То есть словно в клетке. Да, в золотой, но – клетке.

Пусть она жила в доме напротив Кремля – в том самом, что впоследствии, благодаря Юрию Трифонову, назовут «Домом на набережной», а сейчас именовали даже более пафосно, «Домом правительства». Пусть в ее распоряжении имелась целая четырехкомнатная квартира – в то время как большинство семей страны ютились в коммуналках, общагах и бараках. Пусть даже никаких проблем у нее не было, в отличие от простых советских людей, ни с продуктами питания, ни с промтоварами. Благодаря высокой должности Провоторов обслуживался в «двухсотой» секции ГУМа, где вышколенные продавщицы готовы были предложить для его «племянницы» (как он представлял им Галю) наилучшие импортные товары: от ботинок и чулок до крепдешиновых платьев и костюмов из тончайшей английской шерсти.

С полуторагодовалым Юрочкой сидела няня, которая мальчика очень любила и за услуги которой платил генерал – Галя даже не знала, сколько. Без работы Иноземцева, правда, существовать не могла – как и все советские женщины, иначе была воспитана. Как бы судьба ее ни баловала, не желала она быть тунеядкой. Труд в королевском ОКБ-1, правда, не сильно ее радовал: приходилось переводить бесконечные статьи из американских технических журналов про реактивное движение. Да и ездить далеко – аж в Подмоскowie, электричкой с Ярославского вокзала, в Подлипки, но зато против общего движения народных масс: утром из центра

к окраине, а вечером наоборот. Имелись в ее работе и другие привилегии. Кое-кто из девочек с работы, к примеру, как это называется, подхалтуривал и переводил, для себя и редких любителей, с английского книжки, которые в официальных издательствах ни за что не издавались: детективы Агаты Кристи, Рекса Стаута и Дэшила Хэммета. Их Гале давали на пару дней, и она их читала по-русски и по-английски. Единственное, что требовалось, – заворачивать обложки в газетки, чтобы попутчики в общественном транспорте не заметили, что гражданка штудирует неподцензурную литературу. А когда прошло время и Галя как читательница зарекомендовала себя, ей даже стали давать – но строго на одну ночь и без выноса из дома! – «Дивный новый мир», «Скотный двор» и «1984». Впрочем, антисоветчину она не жаловала, плевалась. Как можно ругать СССР и советскую власть, если преимущества жизни в Советском Союзе неоспоримы и видны невооруженным глазом? К примеру, она, внучка крепостного, высшее образование в самой Москве получила. И муж ее первый, Владик, тоже из Энска задрипанного приехал – и всего своим умом достиг. А второй супруг (пока, правда, не расписанный), Провотворов? Да он советской власти всем на свете обязан! Хвосты коровам вертел (как он сам говорил), а выучился на летчика, стал героем, асом, Родину в войну защищал, авиационной армией командовал – и теперь важный пост занимает, генерал. А родное государство ценит его и всячески отмечает. Хотя и требует от него многого.

Вот в этом, в делах службы, и заключалось все дело. После того как в космос отправился Юра Самый Первый и Галя впервые догадалась, что ее Иван Петрович связан с космонавтикой (сам он молчал, как рыба), генерал так закрутился (по его выражению), что вовсе перестал бывать дома. Он при первом советском космонавте кем-то вроде дядьки-мамки-няньки стал. Сопровождал его в поездках по стране, а особенно по всему миру. Иноземцева даже перестала вскоре считать, где Провотворов побывал. Чехословакия, Болгария, Польша, Куба. Это из стран, так сказать, народной демократии. А еще: Англия, Финляндия, Бразилия, Канада. И везде Юру приветствуют огромные толпы людей. Самые широкие народные массы. Без преувеличения – миллионы людей. Банкеты, приемы, митинги, пресс-конференции. А рядом с самым первым космонавтом – чуть в стороне, за спиной, но все равно заметно – генерал Провотворов (Иноземцева в кинохронике видела, в «Новостях дня»). И отраженный свет любви и счастья, которые народ по отношению к первому космонавту испытывает, и на генерала, конечно, тоже падает. Пионерки и ему цветы несут, венки на шею надевают, иностранные лидеры и его лобызают.

Конечно, рано или поздно генерал из своих странствий возвращается. И подарки привозит заморские, необычные. И в постели штурмует ее тело с таким всепокорительным напором, что любой молодой позавидует. И даже дважды, трижды свои атаки за ночь пытается повторить. Да только Гале такая полуслучайная связь, раз примерно в месяц, мало подходит. Она, как всякая женщина, более всего ценит стабильность: чтобы милый был рядом – хотя бы вечерами и ночами, но каждую ночь. И не нужно ей сувениров заграничных, рассказов о местах диковинных.

Вдобавок надо признать, что, возвращаясь на короткую побывку домой, Иван Петрович оставался чрезвычайно важным. Лучи всемирной славы и многомиллионной любви, что над советским космонавтом распустились, на генерала отсветом пали и его возвысили. Даже в те недолгие часы, когда генерал оказывался подле Гали, только и слышалось от него: да мы с Юрой... Да я Юре сказал... Да Юра того-сего не понимает, мне его учить приходится... Будь тогда на дворе другое время или другое общество, Гале впору бы заподозрить в их отношениях нечто порочное, однако ничто не могло оказаться более далеким от гомосексуализма, чем взаимоотношения пятидесятилетнего советского генерала с двадцатилетним советским майором в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Однако иголочка ревности к космонавту сердце Иноземцевой покалывала. Еще полгода назад она у генерала была единственным любимым чадо, в одном лице как бы и дочка, и любовница, и жена. А теперь у него словно

сын родной, конкурент появился. Вдобавок Галина по обмолвкам-недомолвкам Провотворова понимала, что в отряде космонавтов, коим ее супруг невенчаный-нерасписанный командует, и новые орлята-соколята подрастают, скоро и их на орбиту Земли (и во всемирную известность) выпустят.

Да еще секретность эта проклятая! Никогда не было известно заранее, когда и куда Иван Петрович отправится и на сколько: то ли в поездку заграничную со своим Юрочкой ненаглядным, то ли на таинственный полигон (где, кстати, ссылку непонятную первый Галин муж, Иноземцев, отбывал). Однажды она посчитала: за месяц генерал провел рядом с ней, дома, три ночи и два вечера. Да и те, спокойные семейные вечера развивались по одинаковому сценарию: генерал переодевался в трофейный халат и садился перед телевизором с кипой не прочитанных за время отсутствия газет и журналов. Проходило три, много пять минут, и очки его сползали на кончик носа, голова падала на грудь, и гостиная оглашалась руладами генеральского храпа. Приходилось будить, в постельку сопровождать – где временами Провотворов все-таки вспоминал, что он как-никак теперь вроде молодожена. А порой и об этом забывал.

Короче, в отношении Гали генерал успокоился, расслабился. Не стало даже разговора, чтобы куда-нибудь совместно сходить: в ресторан, в театр или в тот же бассейн «Москва». А на запросы Гали о совместном культпоходе он только отвечает: обратиться к ординарцу моему, Макаркину, он тебя любыми билетами обеспечит. «Да не нужен мне билет без тебя! – начинает сердиться она. – Я хочу быть с тобой! И чтобы ты был рядом!» Но тут Провотворов менял тон и принимался уговаривать: «Галочка, да пойми ты, время такое, видишь, что делается, никогда такого не было, все впервые творится, первый человек в космосе – наш, советский. Ты потерпи, все устроится, наладится, устанутся».

Задевало и отношение генерала к пасынку – Юрочке. Никакого отношения, впрочем, не было. Подарки ему Провотворов из своих вояжей, конечно, привозил (не соответствующие возрасту, правда, – из Англии, к примеру, железную дорогу) – и то хлеб. Но, кроме редких актов дарения, генерал малыша просто не замечал. Нет бы приласкать или взять на руки – смотрел на ребенка с плохо скрываемой брезгливостью. И это тоже задевало и обижало.

Вот и получалось: при живом муже – даже, если считать Иноземцева, при *двух* супругах – Гале приходилось коротать вечера в одиночку. Точнее, как какой-то брошенке, наедине с сыночком. И ничто ее не радовало. Ни четырехкомнатная квартира с видом на Кремль. Ни мебель, специально сконструированная для этого дома скульптором Иофаном – да и как она может радовать: черно-коричневая, неудобная, с жестяными инвентарными номерами. И даже сыночек Юрочка в восторг ее совсем не приводил. Ну да, он милый, лепечет чего-то, топает своими ножонками, лазит всюду. С ним забавно бывает поиграть, поучить его чему-нибудь, книжечку почитать, сказочку рассказать, песенку спеть. Однако довольно быстро она от него уставала. Слишком непомерным казалось ей то внимание, которое требовалось, по-хорошему, ему уделять. Не получалось у нее раствориться в младенце целиком – как доводилось, рассказывали, другим мамочкам.

Да и мысли о будущем не давали расслабиться. Сейчас она – здесь, в провотворовской квартире в Доме правительства – кто? Формально и официально – решительно никто. А случись с генералом, не дай бог, чего? Он вечно летает, то на военном аэродроме находится, то на полигоне. Самолеты, бывает, бьются. И ракеты взрываются. И если Провотворова в один ужасный день вдруг не станет – что будет с ней? А ничего. Здесь она никто, и ей ничто не принадлежит. Придется съехать и коротать век с милым, но постылым Владиком. Наверное, опять в съемном домике с русской печью и удобствами во дворе.

Иван Петрович ведь оказался таким же, как все мужики: чтобы заманить ненаглядную, чего только не наобещал. А как добился своего – над ним не каплет. Все посулы забыты, все обещания побоку. Мне хорошо живется – а как там ты, дорогая, себя чувствуешь, мне неинтересно.

Вдобавок и другое имелось обещание, что дал генерал молодой женщине, – по-своему даже гораздо более интересное, чем женитьба. Замужество – оно что! Миллионы и миллиарды создавали семью, ячейку общества. А вот то, что однажды сорвалось с уст Провотворова... То, что он сказал ей, когда они переходили поздно вечером Большой каменный мост, возвращаясь с приема в Кремле по случаю первого полета в космос... То, что Иван Петрович изрек четырнадцатого апреля шестьдесят первого года... Вот это – да! Ради такого можно перенести и перетерпеть все. Подумаешь, одиночество в четырехкомнатной квартире! Да Галя ради этого – особенно глядя на то, как Юру Самого Первого принимают во всех странах и чествуют, – готова в землянке жить! Хлебом с водой питаться! Тренироваться как проклятая! Самолет научиться водить! С парашютом по десять раз на дню прыгать!

Да-да, вернуться в парашютный спорт ей очень хотелось. Как всегда, когда становилось больно, плохо или трудно, она начинала мечтать: вот они едут на полutorке на груде парашютов на аэродром. Вокруг мальчишки, они трогательно помогают и по-рыцарски ухаживают за нею. Вот они все вместе в самолете, «мешки» за плечами. Вот она подходит к распахнутому люку, толчок – и полет! Огромная земля, огромное небо, свист ветра в ушах!

И Галя решила: когда бы ни приехал в следующий раз Провотворов, в каком бы настроении ни пребывал, какие бы подарки ни привез – она должна с ним поговорить серьезно. Не стесняться, не чиниться и его возраста и звезд на погонах не бояться. А обсудить с ним, как взрослая женщина, две темы, два пункта: а) их совместное проживание и будущую женитьбу и б) полет в космос первой советской женщины. Второе было даже намного интересней первого – хотя, надо признаться, и гораздо сложнее. Или генерал тогда, вечером четырнадцатого апреля, наклюкавшись кремлевского коньячку, просто болтал? Шутил, балагурил?

Провотворов

О своих обещаниях, данных Галине, генерал нисколько не забыл. Ни о первом – о женитьбе, ни даже о втором – отправить ее в качестве первой женщины в космос. Да! Что может спаять их крепче любых семейных уз, любого загса или даже венчания в церкви! Космический полет! Который совершит – она: молодая и красивая советская девушка, комсомолка, парашютистка, выпускница иняза! Но этот полет первой женщины к звездам пробьет в инстанциях он, генерал! И ее, Галю, на вершину ракеты вознесет! И на вершину всемирной славы!

Он, как мало кто другой, знал, что Юра Самый Первый – лишь вершина пирамиды. Тысячи молодых и красивых летчиков отсеялись еще в частях, в ходе первых собеседований. Из двухсот пятидесяти кандидатов, приехавших на обследование, столичные медики из центрального госпиталя ВВС в Сокольниках, а потом мандатные комиссии выбрали двадцать. И только из тех двадцати как-то сам собой жребий пал на Юру. Всем он понравился. И Королеву. И другим главным конструкторам. И ему, Провотворову. И даже Хрущу (тому парней на фотографии показывали, но премьер-министр отмахнулся: решайте сами!).

Однако генерал знал: случись в период подготовки со стороны Юры любое неосторожное слово, или косой взгляд, или вдруг забарахливший медицинский показатель – не видать тому полета (и всемирной славы), как своих ушей. Нашлись бы другие, запасные. Гера. Гришка. Паша. Андриян. Да любой из оставшихся девятнадцати. Точнее, уже из восемнадцати – один, Павлик Бондаренко, бедняга, на тренировках погиб.

А тут генералу письмо передали. Да не письмо – донос, надо называть вещи своими именами. Если бы оно вдруг до адресата добралось до полета, пришлось бы Первого Советского Космонавта на запасного менять. Но в том и штука, что о том, что Юра станет первым, знал крайне ограниченный круг лиц. И доносчик в него, разумеется, не входил. Поэтому с доносом – опоздал. Промажнулся. Ведь победителей, как известно, не судят.

А письмо, с родины Юры Первого пришедшее, повествовало о неприглядных фактах его биографии. Для начала – что проживал он на оккупированной территории. Пусть мальчиком, но – проживал. В составе всей своей семьи. Но это еще терпимо. Хрущ приказал теперь на это внимания не обращать. Главное другое: родная сестра и родные братья нашего героя, Юры Самого Первого, были угнаны на работу в Германию. И в течение нескольких лет трудились на врага. Но и это еще не все: космонавт о сем прискорбном факте своей биографии не указал ни в одной из своих анкет. В том числе в той, что заполнял для мандатной комиссии после того, как прошел медицинский отбор и зачислялся в спецгруппу ВВС номер один, то есть в космонавты. Значит, если считать по суровым меркам: проявил трусость и неискренность, обманывал партию и государство.

Однако, слава богу, письмо задержалось. И победителей впрямь не судят. Но если бы оно каким-то чудом добралось до адресата – до того же генерала Провоторова – хотя бы даже за день ДО двенадцатого апреля, он был бы обязан дать ему ход. И принять меры. И, с вероятностью сто процентов, первым Юра в космос бы не полетел. И вряд ли полетел бы когда-нибудь вообще.

Но цидуля достигла полка подготовки космонавтов (так теперь называлась спецгруппа ВВС номер один) с явным опозданием. И Иван Петрович, данной ему властью, даже не стал давать доносу ход. Не вызвал свежее испеченного майора и Героя, не стал выznавать у него подробности и вести следствие. Подметное письмо слишком припозднилось. Даже если все в нем было правдой (а по каким-то деталям и черточкам генерал понимал, что так и есть), никто теперь ничему обратного хода не даст. И разбираться в «личной неискренности» самого известного майора в мире не будет. И Провоторов заложил подметное письмо в конверт, опечатал сургучом, поставил личную печатьку и дату и бросил документ в сейф.

Из ситуации следовало сделать только один вывод: никто на свете не безгрешен. Ни в моральном, ни в физическом смысле. Ни тем паче по состоянию здоровья. Особенно в столь тонком деле, как покорение космоса. Любого можно утопить. Но любого – и возвысить. Хотя, конечно, возвысить значительно труднее, чем утопить.

По поводу полета на орбиту первой в мире советской женщины тоже все обстояло непросто. За год с лишним работы рядом с Королевым (хоть по службе ему несколько не подчиняясь) генерал понял: многое в космических делах зависит от главного конструктора, от его точки зрения и даже настроения. И если главный конструктор чем-нибудь загорится, можно считать дело наполовину или даже на три четверти сделанным:

Эс-Пэ всех вокруг изнасилует, включая высшее политическое руководство, да и самого себя, но своего добьется. Поэтому генерал долго выбирал момент подхода к нему: чтобы Сергей Палыч пребывал в хорошем настроении, был благодушен, не слишком занят и, по возможности, слегка выпивши – самую малость, потому как много пить себе не позволял. Но даже если бы Иван Петрович неотлучно сопровождал Королева, момента доброты и благодушия у последнего, постоянно заряженного на дело, пришлось бы дожидаться многие недели и месяцы. При эпизодических же встречах оставалось полагаться на удачу. Наконец выпал момент редкого меж Королевым и Провоторовым тет-а-тета.

– Сергей Палыч, – начал генерал, – у вас такие огромные планы по части освоения космоса, – элемент лести, генерал точно знал, ни в одном деловом разговоре лишним не бывает, – поэтому, наверное, в скором времени будет необходим набор новых слушателей в отряд космонавтов, как вы думаете?

– В правильном направлении мыслите, Иван Петрович, – согласился Королев, – нам нужны будут новые космонавты, позарез, и далеко не только из числа военных летчиков: инженеры, конструкторы, врачи. Обязательно с высшим образованием.

– Давайте выйдем в Президиум ЦК с совместной запиской, от ОКБ-один и ВВС, – предложил Провотворов: – создать второй отряд космонавтов, для него отобрать и подготовить пятьдесят молодых летчиков и специалистов.

– Почему пятьдесят? – немедленно откликнулся главный конструктор. – Сто! – Имелось у Королева своего рода завихрение, которое, впрочем, зачастую помогало ему достигать успехов: если ему какая идея нравилась, он ее сразу наполнял поистине гаргантюанским размахом. – И почему брать только молодых? Давно пора снизить медицинские и прочие требования к космонавтам. Мы и сами с вами еще слетаем, а, Иван Петрович?

– Хотелось бы, конечно, Сергей Палыч, – осторожно улыбнулся Провотворов, но стал гнуть свою линию: – А что вы думаете насчет того, чтобы набрать во второй отряд женский контингент?

– Женщин? – скривился Королев. – А зачем нам женщины? Вы же сами знаете: баба на корабле – жди неудачи.

– Ну, Сергей Павлович, тут ведь момент политический. Женщины у нас в стране, как известно, имеют абсолютно равные права с мужчинами. Они могут избирать и быть избранными, заседают в Верховном Совете, являются членами правительства...

– Только одна. Катя Фурцева – дура, – как бы про себя, в сторону пробросил главный конструктор, но Иван Петрович, не обращая на его слова внимания, с налету продолжал, за сорок лет карьеры в Советском Союзе он наблатыкался произносить политические речи:

– ...Есть у нас и комбайнеры-женщины, и капитаны дальнего плавания, и летчицы. Почему же, вскорости могут спросить нас с вами, советская женщина не может выйти в космос?

– Ладно, генерал, – вполголоса отсек Королев, – будет вам молотить, не на партсобрании. – Свидетелей у их диалога не было, поэтому главный конструктор мог позволить себе любую вольность.

– А американе? – не терял запала Провотворов. Он даже употребил любимое королевское прозвание его извечных соперников из-за океана, слегка уничижительное: не американцы, а американе. Он хорошо знал, что Королев (как и Хрущев, кстати) чрезвычайно ревниво относился к любой щелке или зацепке, где можно было бы опередить, уесть, обогнать извечных конкурентов-противников. – Как мы будем выглядеть, если американе вдруг возьмут и запустят свою леди в космос первой?

– А они собираются? – прищурился Королев.

Генерал имел доступ к «белому ТАССу», однако знал, что, в отличие от него, по своей тематике главный конструктор информируется вдобавок по линии КГБ и Главразведупра Генштаба – и поэтому владеет гораздо более полной информацией. Иван Петрович пожал плечами.

– Готовится у них в астронавты такая Джеральдина Кобб. Вроде, говорят, частным образом тренируется. Впрочем, точных данных, полетит ли она и когда, у меня нет. Но, может быть, я недостаточно информирован? – пришлось слегка сдать назад Провотворову. – Однако если они вдруг примут решение о запуске женщины, могут застигнуть нас врасплох. Дело небыстрое, успеть подготовить женский отряд. И тогда они нас обставят. Пропагандистский момент опять же надо учитывать. Представляете, каким мощным агитатором за дело коммунизма станет первая советская женщина-космонавт?

– Да, шумихи будет много, – задумчиво проговорил Королев. – Хорошо, Иван Петрович, по первому вопросу договорились: я распоряжусь подготовить положение о наборе нового отряда космонавтов – сто человек для начала, а потом вместе выйдем прямо в Президиум ЦК. А насчет баб на орбите – это надо покумекать.

Насколько Провотворов успел узнать Королева, его прохладное финальное замечание «надо покумекать» означало скорее нет, чем да. Если главный конструктор чем загорался и что в самом деле хотел осуществить, он реагировал гораздо бодрее и эмоциональнее.

Что оставалось делать генералу? Сдаться? Но он был не из тех, кто сдается. Если уж затевал чего, то бился до конца – до победы или поражения. Но чаще – до победы, иначе не стал бы сталинским асом и Героем Советского Союза. Однако ведь и Королев взял в последнее время такую власть, что выше его в космических делах не было никого. Впрочем, имелся в стране один человек, который стоял выше всех и в космических, и во всяких прочих делах.

Звался он Никита Сергеевич Хрущев.

Хрущев Никита Сергеевич

Никита Сергеевич был просто счастлив. Он вышел на берег Москва-реки, на свой собственный земельный участок на запретном для всех отрезке Воробьевской набережной, за пятиметровым забором, и прямо-таки хрюкнул от удовольствия. Маленький, толстенький, лысенький, в семейных трусах по колено, в соломенной шляпе на темечке, он прямо-таки сочился от самодовольства.

На шестьдесят седьмом году своей жизни он наконец-то достиг такой власти, выше которой в стране (а может, и в мире) не было и которую никто в стране (и мире) не решался оспаривать.

Если говорить с пролетарской прямоотой – кто сейчас может с ним сравниться? С ним, крестьянским сыном из-под Юзовки³? С ним, некогда учеником церковно-приходской школы – как говорится, три класса образования, четвертый коридор? С ним, которого Сталин звал «Мыкитой» и выбивал, в воспитательных якобы целях, о его голый лоб свою знаменитую трубку?

Нет, шалишь! После того как в пятьдесят седьмом он, с помощью Жукова, прищемил хвосты антипартийной группе – а вскоре отправил в отставку и самого Жукова, – во всем СССР не осталось ни единого человека, который в силах был бы посягать на его власть. Все так называемые вожди из нынешнего Президиума ЦК ему, образно говоря, по колено. И плакса Брежнев, и «человек в футляре» Суслов, который везде и всюду ходит в галошах, и тупой, как валенок, Фрол Козлов.

Да и в мире, после того, как президентом США стал этот мальчишка Кеннеди, кто с ним, крестьянином Микитою, может потягаться? Лишь только пацана этого американского Джонни «выбрали» (в кавычках) на ихней, штатовской, псевдодемократической процедуре «выборов» в президенты, как мы, простые советские люди, – на ему пилюлю! Первым в космос полетел не ваш Билл какой-нибудь, а наш, простой советский парень Юра! Ну, и где вы оказались с вашей хваленой американской техникой? С вашими машинами посудомоечными в каждом доме, которые вы нам тут, на выставке своей, пытались вкручивать? С вашими «фордами» и «кадияками»?

Да, Кеннеди тогда, прям в апреле, быстренько решил было реабилитироваться – в глазах своего военно-промышленного комплекса и милитаристов всех мастей, которым, как известно, только и служат американские президенты. И устроил позорное вторжение на Кубу, в заливе Свиней. И получил по рогам от свободолюбивого кубинского народа! Вот молодцы Кастро с Че Геварой, умники-бородачи! Накостыляли мальчишке президенту американскому так, что мама не горюй! Уползли недобитые янки на свой континент, раны зализывая.

Не все, конечно, в стране и мире складывается, как по нотам. Но на то он и есть, диалектический материализм, единство и борьба противоположностей! И китайские оппортунисты гадят Стране Советов, чего там говорить. И реваншисты из ФРГ никак не успокоятся оттого, что у них под боком цветет и мирно развивается социалистическая Германия. Переманивают к себе неокрепшие немецкие души, соблазняют зарплатой в твердых германских марках. И бегут, бегут к ним немецкие бургеры – дескать, на Западе сосиски толще и пиво слаще.

³ Ныне город Донецк, Украина.

Четыреста тысяч, говорят, только в этом году утекло. Да только мы им скоро устроим реванш по всем границам! Решение только что приняли, и теперь мы стену между двумя Германиями выстроим такую, что не то что какой-нибудь инженеришка, польстившийся на западные «блага цивилизации», – ни одна мышь не проскочит! И назовем ее – антифашистской! Дескать, строим мы ее не потому, что восточные немцы на Запад усвистывают, а потому, что недобитые фашисты и реваншисты всех мастей пытаются в обратном направлении проползти и в социалистической Германии устроить выходки и провокации. Пусть тут и наша пропаганда поставится, и ульбриховская⁴.

А какую мы третьего дня плюху выдали очередную? И мальчишке Кеннеди врезали, и престарелому канцлеру немецкому Аденауэру! А?! Как им всем в очередной раз нос утерли?! Вы, американцы, шестого августа сорок пятого атомную бомбу сбросили на мирный японский город Хиросима – а мы, советские люди, ровно шестнадцать лет спустя, шестого августа шестьдесят первого, запустили, в целях мирного освоения космоса, нашего простого русского парня Геру на орбиту! И крутился он там целые сутки, семнадцать с лишним витков – в то время как американцы до сих пор и одного-единственного витка вокруг планеты не выдали! И сегодня, девятого августа, в годовщину того, как вы еще один японский город, Нагасаки, уничтожили – мы, напротив, готовимся принять и торжественно встретить в Москве второго советского космонавта, замечательного русского, советского парня Германа! Можно всем этим господам, иностранным послам и дипломатам, об этом напрямую сегодня сказать, и в Георгиевском зале Кремля, и с трибуны Мавзолея. Мы – мирные люди, а вы – агрессоры, империалисты и трубадуры войны! Нет, лучше не надо, не будем в такой торжественный момент тыкать им в глаза, кто они такие. Еще уйдут с приема, как тогда, в новогоднюю ночь. Не будем сами себе радость портить. Лучше сосредоточимся на главной теме: какую радость доставил космонавт номер два всему без исключения, советскому народу, всему прогрессивному человечеству! Снова наш парень, простой парень Гера, взмыл – благодаря усилиям советской техники, рабочих, ученых и конструкторов – над планетой и целые сутки парил над нею, семнадцать витков накрутил! Что, съел, щенок Кеннеди?! Где твои астронавты?! В море падают после суборбитальных полетов недоделанных!

– Никита Сергеевич, вам пора. – Начальник охраны неслышно подошел по траве. – Только что позвонили: самолет со Вторым Космонавтом вылетел из Куйбышева во Внуково.

Да! Надо возвращаться к государственным хлопотам. Однако нельзя не согласиться, что среди этих хлопот бывают до чрезвычайности приятные. Встреча на аэродроме второго советского космонавта – из их числа.

Провотворов

Гале он сразу так и сказал: на прием ты сегодня не пойдешь. Она, конечно, ждала и готовилась. На встрече Юры Самого Первого в Кремле она ведь присутствовала. Тем более что полет Геры все-таки оказался на сутки длиннее, чем у Юры. Вдобавок как-то складывалась уже традиция внеурочных, можно сказать, неожиданных торжеств. Понятнее стало высшему советскому свету, как одеваться в таких случаях, какого рода причесочник делать. И, конечно, Галя ужасно расстроилась. И обиделась. Однако виду не подала. Никаких женских штучек, на которые горазд слабый пол, применять не стала. Никаких слез, ломанья рук или упреков. Просто замкнулась, губы сжала. И лишь спросила: «Почему?» А генерал – ответил: «Сейчас я не могу рассказать. Это очень важно, и, поверь мне, это решение направлено лишь тебе во благо». А она только слегка набычилась: «Здесь замешана другая женщина?» – девчонка, право слово! Провотворов обнял Иноземцеву, приласкал – чего обычно не делал практически никогда, в дневные, обыкновенные, не интимные моменты. Сказал: «Ну, что ты!»

⁴ Вальтер Ульбрихт в ту пору являлся руководителем ГДР – Германской Демократической Республики.

Он ведь тоже: еще с первой своей женой поставил во главу угла правило: с женщиной, как и с подчиненным, надо быть до конца честным. И не копить обиды и недомолвки. Разъяснять все сразу. Ставить точки над «и». Поэтому взял за плечи, повернул Галино лицо к себе и выговорил: «Поверь мне, в этот раз тебе в Кремль со мной лучше не идти. Я тебе потом все объясню, но сейчас намекну. Ты девочка умная, поймешь. Иногда лучше проиграть один бой, но благодаря этому выиграть битву. И еще: чем ходить раз за разом в качестве приглашенной на чужой праздник, лучше однажды пригласить всех на свой праздник. Ты меня поняла?» – строго спросил.

– Не совсем. Но я тебе верю. – Ее плечи слегка обмякли в его руках.

– Это хорошо. Поверь мне: я бы очень хотел тебя видеть сегодня рядом с собой, но нашему общему делу это, к сожалению, может очень сильно помешать.

И генерал убыл на демонстрацию на Красной площади, а потом и на торжественный прием в Кремль один.

* * *

Подходящий момент случился, когда Никита, дойдя до нужного градуса восторженности – которая всякий раз его посещала, когда в державе случалось что-нибудь великое, – схватил свою рюмку и направился в самый дальний конец Георгиевского зала, где скромненько стояли, никем не узнанные, в гражданских костюмчиках, никому не известные молодые парни: летчики из спецотряда ВВС номер один – иными словами, отряда космонавтов. А неподалеку – так же никому не известные товарищи более зрелых лет, обеспечившие этот великий звездный прорыв, а именно: конструкторы, ученые и инженеры, от Королева Сергея Павловича до других, не менее умных товарищей. Следом за Хрущевым отправились и виновники нынешнего торжества, можно сказать, именники в мундирах майоров ВВС: Юра Самый Первый и слегка затмивший в этот день его всемирную славу Космонавт Два Герман. За Никитой и главными героями события по залу потянулись сановные подхалимы – в первых рядах, конечно, Леся Брежнев.

– Вот, хочу и с вами чокнуться, товарищи, – Никита потянулся к будущим космонавтам рюмкой, которая, неведь каким образом, вдруг оказалась наполненной. – Видите! – воскликнул он, чокаясь со всеми подряд. – как говорится, все там будете! Я имею в виду, – лукаво поправился Хрущ, – что все вы, как ваше начальство вам и обещало – правильно, Сергей Павлович? – он поворотил свое большое, но живое тельце к Королеву, – тоже возвыситесь, так сказать, в космос, и всех вас мы, я надеюсь, здесь, в Кремле, будем встречать и чествовать. Все ли в порядке у вас? – Маленькие, проницательные глазки Председателя Совета Министров и Первого секретаря Президиума ЦК заелозили по лицам молодых старлеев, которым уже и безо всяких полетов выдалось редкое по советским меркам счастье: служба в элитном отряде в Подмосковье, на которой год идет за два. – Всего ли у вас в достатке? Жилье, денежное довольствие? – Все, разумеется, наперебой стали заверять вождя, что да, отлично, прекрасно, лучше не бывает. А тот гнул свое: – Не слишком ли вам главный конструктор, Сергей Павлович, освоением новой техники докучает? – Будущие космонавты, в большинстве своем салажата, моложе тридцати, чуть не хором стали заверять Хруща, что все замечательно, мы хотим и можем учиться еще больше. А Никита заметил новое лицо, которое, конечно, тут как тут: – А Провотворов – как? Он вас своими тренировками не сильно мучает? – И все, естественно, откликнулись: то, что надо, Никита Сергеевич, мы можем еще больше, готовы заниматься еще лучше, тренироваться еще шибче, круглые сутки! – Еще бы, все парни на двух примерах, Юры Первого и Германа Второго, разглядели, какими почестями и какой славой завершаются их упорный труд и подготовка, и готовы были претерпеть и преодолеть все на свете, лишь бы их с такой же помпой и почетом, как первых двух, встречали на Земле.

Провотворов не единожды виделся с первым секретарем в полуофициальной обстановке и всегда знал, что люди вокруг него, словно под воздействием невидимых силовых линий, располагаются по ранжиру. Как будто каждый точно знает, какое ему место в пространстве занять, словно ему невидимый церемониймейстер в уши командует. Причем расстановка фигур в ходе каждой встречи совершенно своя, и в следующий раз она может абсолютно не повториться – хотя, конечно, в общих чертах одна конфигурация походила на другую. Главным лицом, конечно, все время был Хрущев со своими тремя звездами Героя Соцтруда на летнем пиджаке. Подошедшие вместе с ним от центрального стола Юра Первый и Гера Второй, оказавшись среди друзей-космонавтов, передвинулись как бы на их сторону и оказались к первому секретарю лицом. За спиной Никиты маячили Брежнев и Микоян, которые в своем холуйском раже сочли необходимым сопроводить первого секретаря, а за ними побежали из числа членов Президиума сошки помельче. К космонавтам подтянулись и стали на их стороне Королев и Провотворов, которым, как говорится, сам бог велел. Жены Юры и Геры остались, слава богу, мучиться своим смущением у центрального стола – жен тут тоже следовало учитывать: случились бы те рядом – дальнейший разговор, глядишь, и не состоялся бы.

– Значит, все у вас хорошо, – подытожил находящийся в благодушнейшем настроении Хрущев, – и вы, как говорится, готовы к выполнению новых заданий партии и правительства?

Никто не ждал иных ответов, кроме многоголосых «да», на разные лады, и тут Провотворов сломал своей репликой запрограммированный стремительный вояж первого секретаря в «массы».

– Кое-чего не хватает, – совершенно обдуманно выговорил он и выдержал паузу. Он заметил, как на лицах космонавтов отпечатывается недоумение, а на физиономии Королева хмурое недовольство: как это? Генерал намерен на что-то жаловаться? В обход меня? Не обсудив? Не посоветовавшись? Партийная камарилья глядела из-за спины Никиты с сытым и туповатым интересом: чего происходит?

– Чего ж тебе не хватает? – споткнулся на полуслове не ожидавший подобного поворота событий Хрущ и уставился на генерала своими пронизательными глазками хитрого хряка.

Тут следовало быть очень точным в словах, чтобы попасть в унисон с настроением первого секретаря и в то же время не поссориться с Королевым.

– Нашему первому, мужскому отряду, – проникновенно выговорил генерал, – не хватает отряда второго, женского. Мы ведь в социалистической державе живем. И женщина у нас, как говорится, наравне с мужчиной, а кое-где даже выше нас бывает. – Вольно или невольно Иван Петрович подделывался своей лексикой под простую и косноязычную речь вождя. – Поэтому мы считаем, что наш отряд заслуживает расширения. В том числе за счет товарищей женщин. Это ж какое, Никита Сергеевич, – постарался быть проникновенным Провотворов, – будет мощное и победительное воздействие идей Октября на весь мир, если наша, советская женщина первой в мире выйдет на околоземную орбиту!

Первый секретарь секунду-другую переваривал идею генерала, а пока, привнося в их чисто мужское общество столь объединяющий дух скабрёзности, саданул кого-то из нелетающих космонавтов под бок локтем. (Двух героев трогать не стал, своим исключительным звериным чутьем понял, что они переросли по своему статусу подобные шуточки.)

– Что? – разулыбался своим полубеззубым ртом. – Скучно вам без девчонок-то? Возьмете к себе, на орбиту, пару-троечку?

Чувствуя настроение вождя, все благодушно-весело откликнулись: «А что, можно! Пусть летят! У нас в стране все равны! Может и девушка слетать!»

Однако тут Хрущев мгновенно переменял тон и обратился к Королеву совершенно поделовому:

– А вы что скажете, Сергей Павлович, насчет идеи Ивана Петровича?

И тут Провоторов напрягся – потому что, по большому счету, от позиции Королева зависело все. Сейчас, после двух успешных полетов, звезда его в кремлевских коридорах стояла исключительно высоко. И в его силах было или немедленно отвергнуть предложение Провоторова как несостоятельное, или замотать его так, что никто к нему после никогда не вернется и концов не найдет. Но Сергей Павлович ответил твердо:

– Конечно, полет советской женщины на космическом корабле станет мощным доказательством преимуществ нашей науки и техники. К тому же идея товарища Провоторова находится в русле того, что нам предстоит осваивать околоземное пространство и лететь к ближайшим планетам. Обживать космос! А с технической точки зрения в том, чтобы отправить в полет девушку, сейчас никаких проблем нет. Точнее, они решаемы.

– Поэтому даешь женский отряд! – возопил кто-то из слегка перебравших космонавтов (надо запомнить кто, мелькнуло у Провоторова, и провести беседу о недопустимости подобного поведения).

А Юра Первый подхватил – он всегда умел к месту и ко времени пошутить, сгладить ситуацию, произвести приятное впечатление:

– Создадим особый бабий батальон при отряде космонавтов. – И все добродушно рассмеялись, включая Хрущева. Смеялись также Сергей Павлович, Гера Второй, Брежнев, Микоян и разные прочие присные.

Кто бы мог подумать, что шутка Юры Первого насчет «бабьего батальона» приживется и прилипнет на годы.

Галя

Разговор с ней случился в конце сентября. Однажды утром в воскресенье генерал позвал ее прогуляться. Это было необычно, потому что, как ранее говорилось, бывал он дома чрезвычайно редко. А если бывал – возвращаясь из своих зарубежных вояжей с Юрой Первым или с полигона, – то сил его в лучшем случае хватало, чтобы добраться до постели. А тут вдруг – гулять.

Она спросила: «А Юрочку возьмем с собой?»

«Можно, – кивнул он. – Не помешает».

Галя одела сына, взяла коляску, и они вышли. Генерал облачился в гражданское, на лоб надвинул шляпу – поэтому его никто не узнавал, хотя в кинохронике в последнее время и на экранах телевизоров он мелькал часто, пусть и на втором плане – в основном рядом с Юрой Первым в зарубежных визитах.

Маленький Юрочка пребывал в прекрасном настроении, весело гулил, играл чудомашинкой, привезенной Провоторовым из очередного вояжа. Галю тоже обуял приступ благодущия: сыночек рядом, в хорошем настроении, возлюбленный вернулся и второй день рядом с нею. Второй день и ночь.

– Нам надо с тобой поговорить, – молвил генерал.

– А что, дома нельзя? Или в ресторане?

– В ресторанах даже стены имеют уши. А в нашем доме – тем более. И, пожалуйста, о том, что я тебе расскажу, – никому ни слова. Данные совершенно секретные, особой важности.

– Так, может, не надо мне их и знать?

– Надо, – возразил генерал, – потому что они могут иметь к тебе непосредственное отношение.

Они перешли улицу и оказались на Болотной площади, которую вскорости переименовуют в Репина, а потом снова в Болотную. Генерал знал, что в тридцатые годы имелся проект возведения здесь, на Болотной, еще одного громадного дома для членов правительства, расположенного симметрично тому, в котором проживали они. Такого же громадного и серого и по такому же проекту. Но потом ресурсов у государства не хватило, да и в существующем

Доме на набережной жилье в тридцатые годы освобождалось чрезвычайно быстро. По три-четыре семьи, говорят, в каждой квартире в течение тридцать седьмого года друг дружку сменяли. А потом война началась, не до жилищного строительства стало. Поэтому на веки вечные сохранился здесь сквер, памятник Репину, фонтан.

Генерал вез коляску с пасынком. Галя держала его под руку.

– Недавно на самом высоком уровне принято решение, – начал Провотворов, – создать второй отряд космонавтов. И в том числе включить в него женскую группу.

– Ура! – шепотом выкрикнула Иноземцева. Настроение у нее, оттого что милый проводил рядом с ней второй день, было чрезвычайно хорошим. – Юрочка, ты слышишь: мы полетим в космос!

– Кыс-кыс, – немедленно откликнулся на ее реплику сынок, а Иван Петрович проговорил укоризненно:

– Галя, я ведь просил тебя: никаких лишних разговоров.

– Виновата, исправлюсь, – вздохнула молодая женщина.

– Даже странно, что ты с таким длинным язычком в «ящике» работаешь, – не упустил возможности попенять ей генерал. – Так вот, в ближайшее время в женскую группу начинается отбор. Ввиду того, что я был одним из инициаторов ее создания, мне удалось продавить критерии, согласно которым мы будем отбирать девушек. Для начала, разумеется, приятная внешность и совершенно чистая анкета. Второе у тебя имеется – иначе бы тебя к Королеву на работу не взяли. Первое – тоже.

– Принимаю это как комплимент, – хихикнула Галя. Настроение у нее, несмотря на всю хмурую серьезность спутника жизни, оставалось веселым. А Провотворов продолжал:

– Кроме того, потребуется возраст до тридцати, идеальное здоровье, опыт парашютных прыжков. И, главное, я добился того, что первичный отбор девчат возложили на центральный совет ДОСААФ. Я там, как ты знаешь, долго работал и многих знаю. Поэтому прохождение первого этапа – вплоть до направления в госпиталь – мы тебе обеспечим. А вот отберут ли тебя медики? Большой вопрос. По здоровью кандидатов бракуют нещадно. В качестве примера приведу тебе космонавтов-мужчин. В частях ВВС (где, как ты понимаешь, и без того очень высокие требования по здоровью) в первый отряд первоначально отобрали две с половиной тысячи человек. В центральный авиационный госпиталь из них на проверку вызвали двести пятьдесят человек. Взяли в отряд в итоге двадцать. Сейчас еще двоих по здоровью отсеяли.

– Ничего, – засмеялась Галя, – у тебя ведь в госпитале врачи знакомые тоже есть? Если что будет не так – подрисуют мне нужные показатели.

– Ох, Галина, – вздохнул Иван Петрович. – Тебе бы все веселиться. Обследование в госпитале – долгое, противное, мучное. Займет как минимум месяц. И результат совсем не гарантирован. Положат в него женщин сорок. Отберут пятерых-шестерых. Полетит одна. Ну, может, две. Поэтому я хочу спросить тебя прямо сейчас: а хочешь ли ты продолжать стремиться в космонавты? Чтобы потом не было обидно за бесцельно потерянное время и силы?

Они сделали круг по Болотной и вышли в начало Большой Ордынки.

– Хочу гулять ножками, – твердо высказался Юрочка, и отчим, человек действия, немедленно вытащил его из коляски, поставил на ножки и – небывалый случай заботы и нежности! – взяв за ручку, повлек за собой. Галя перехватила из рук генерала коляску.

– Скажи, раз уж ты начал военные тайны мне выбалтывать, – проговорила Иноземцева, – вот, допустим, я в отряд попаду. А как они, космонавты, тренируются? Готовятся как?

– Тоже ничего особо радостного. Крутят их на центрифуге, сажают на десять дней в сурдокамеру, где никакой связи с внешним миром, в барокамере воздуха лишают. Подогревают в зимней форме одежды до плюс семидесяти.

– А прыжки парашютные будут?

– Будут, – кивнул Провотворов, – и много.

– О! – удовлетворенно выдохнула Галя. – Вот этого я и добивалась. Чтобы прыгать! Да чтоб прыжки моей работой были! О, я согласна!

– До этого пока ох как далеко.

– Плевать. Я попробую.

– Галина, тут ведь еще один момент есть, – выговорил генерал, верный своему принципу не скрывать ничего от подчиненных (в том числе от жены). – Если ты пойдешь по этой стезе, то есть в космонавтики, нам ни в коем случае нельзя афишировать наши отношения.

– То есть как? – нахмурилась она.

– Как ты не понимаешь? Я – один из руководителей полка подготовки космонавтов. Если вдруг станет известно, что я протаскиваю кандидатуру, которая является моей, выражаясь официальным языком, сожительницей, – тебя в отряд совершенно точно не возьмут. Да и мне не поздоровится.

– То есть ты предлагаешь – что? – холодно сощурилась молодая женщина. – Нам – расстаться?

– Говоря со всей откровенностью, если бы не решение по женскому космосу, я рассчитывал не сегодня завтра сделать тебе предложение. Однако моя жена, любовница или сожительница – неважно, как называть, – в космос никогда и ни за что не полетит. Ты ведь понимаешь: такие у нас, в Советском Союзе, правила. Борьба с кумовством и моральным разложением. Поэтому если все пойдет, как ты хочешь, и тебя и впрямь возьмут в отряд, – нам придется таить наши отношения.

– Все понятно, – кивнула Галя, и неясно было, то ли она говорит серьезно, то ли снова шутит. – Ты выбрал такой экстравагантный способ от меня избавиться. Записать меня в космонавтики.

– Галина! Как только ты выбудешь из этой гонки за кресло командира женского экипажа – а я думаю, что это произойдет довольно скоро, – в тот самый день мы подадим заявление в загс.

– А ты хитрый малый, товарищ генерал, – улыбнулась она. – Ни с одной стороны не прогадал. Пойдешь налево – у тебя будет тайная сожительница, космонавтка и Герой Советского Союза. А направо двинешься – получишь законную молодую, красивую жену.

– Я бы хотел понять, – проникновенно ответил Провоторов, – чего *ты* на самом деле хочешь. И я поступлю в полном соответствии с твоими пожеланиями.

– Ах ты, милый, – растрогалась Галя, а потом притянула к себе лицо генерала и поцеловала его в губы.

В те времена, осенью шестьдесят первого года, москвичи практически никогда в общественных местах не целовались. Разве что стилиги какие-нибудь – не зная, какой новый вызов сделать вскормившему их социалистическому обществу. А добропорядочные граждане хорошо знали, что за прилюдные поцелуи можно и в отделение милиции загреметь, и на жесткое замечание от блюстителей нравственности нарваться. Но сейчас Большая Ордынка во всю свою перспективу была пустыня, а перед поцелуйчиком Галя оглянулась и убедилась, что и сзади за ними никто не следует. Столь противоречащее нормам морали поведение, вкуче с сильно-нежными губами Иноземцевой, ожегшими ему уста, даже ввели Ивана Петровича в легкое состояние грогги. А молодая женщина прошептала: «Знаешь, я хочу попробовать стать космонавткой. Не боги горшки обжигают».

Лера Кудимова

Однажды – дело было еще в конце года шестидесятого – Лера спросила у мужа своего Вилена: «А что это давно друга твоего, Владика Иноземцева, не видно?» Вилен пребывал в хорошем настроении – к тому же они находились не в помещении, а на открытом воздухе: гуляли на лыжах на Поклонной горе, что раскинулась неподалеку от их дома на Кутузовском. Шли по лыжне параллельным курсом, друг рядом с дружкой.

Никакого не было тогда на Поклонке ни мемориального комплекса, ни даже парка. Имелось совхозное кукурузное поле, какие-то перелески, заброшенные железобетонные огневые точки и столь же заброшенные, врытые в землю по башню советские танки – подготовленные для обороны Москвы еще в минувшую, Великую Отечественную. Полузаброшенное старое Можайское шоссе тут проходило. А народу вокруг было мало – такие же лыжники, как они, на горизонте маячили. Поэтому правила конспирации, к которым был приучен каждый житель СССР – из тех, кто хоть что-то собой представлял, – можно было не соблюдать и говорить откровенно. И Вилен, неспешно работая палками в попеременном ходе, буркнул:

- Можешь считать, что Владислава сослали.
- Куда? – ахнула Лера. – За что?
- Ни на первый, ни на второй вопрос я тебе ответить не могу, – хмыкнул Вилен.
- Неужели за Марию? За то, что он с ней встречался?
- Именно.
- Значит, и нам с тобой следует держаться от нее подальше?
- А вот это как раз не значит. Скорее, наоборот.
- Как это понимать?
- Можно сказать, Мария нужна мне по работе.
- Значит, она и впрямь шпионка?
- Есть большая доля вероятности.
- И ты будешь ее хватать и допрашивать?
- Ни в коем случае. Скорее, наоборот.
- Наоборот? Что значит наоборот?

Вилен остановился – и Лера, разумеется, тоже, потому как разговор складывался очень интересный. А Кудимов, глядя ей прямо в лицо, произнес:

– Я очень надеюсь, что она, Мария, будет пытаться нас с тобой вербовать. И мы пойдем на эту вербовку. И будем поставлять ей информацию. Или дезинформацию, как получится.

– Ты говоришь «мы с тобой»? Я что-то не поняла: а я тут при чем?

– Ты здесь при том, что работаешь, как и я, в «ящике». И ты, как и я, секретоноситель. А для нашего главного противника, то есть ЦРУ, два завербованных в Москве секретоносителя значительно лучше, чем один.

– Этого мне еще не хватало! – возмутилась Лера. – Я на эту работу не подписывалась!

– Лера, ты понимаешь: пока это только первые прикидки. Ничего определенного сказать невозможно. Одни эскизы.

...Но очень и очень скоро прикидки и эскизы обернулись самым настоящим планом, проектом, расписанием.

Как-то раз Леру в ее московском «ящике» вызвали в первый отдел, да к самому главному начальнику. Когда она вошла, увидела, что в кабинете отставника-начальника сидит товарищ, среднего роста, невидный из себя, но столь значительной важности, что хозяин кабинета перед ним явно лебезит и даже угодничает. Немедленно по пришествии Леры он вскочил и пробормотал:

– Я вас покину, на сколько вам будет нужно. Вы располагайтесь, почувствуйте себя, так сказать, как дома. – Довольно странно было Кудимовой видеть властительного руководителя столь лебезящим – можно сказать, тварью дрожащую. Из одного этого следовало заключить, что гражданин, вызвавший Леру, вес имеет значительный. И начальник выкатился из собственного помещения, украшенного портретами Ленина, Сталина и Дзержинского.

Важный гость поглядел на девушку даже и с ласковостью. Был он довольно приятной наружности, лет тридцати семи, что для Леры, не достигшей в ту пору тридцатника, означало почти пожилой. Запомнились красивые руки и стальные цепкие глаза. В голове почему-то вдруг всплыло из Маяковского: «Он к товарищам милел с людскою ласкою». Но вспомнилось

и дальше: «Он к врагу вставал железа тверже». И подумалось, что этот товарищ очень даже способен как на первое, так и на второе.

Гость молвил: «Очень приятно с вами познакомиться, Валерия Федоровна. Видите, как получилось: с батюшкой вашим, Федором Кузьмичом Старостиным, я, можно сказать, служил. С супругом вашим, Виленом, приходится мне сейчас, и тоже по долгу службы, постоянно встречаться и взаимодействовать. А с вами не имел удовольствия. И вот, слава богу, наконец-то. А зовут меня Александром Федосеевичем, фамилия Пнин, и я, в некотором роде, являюсь начальником вашего мужа Вилена. Да вы присаживайтесь, дорогая Валерия – можно я буду вас так называть, по имени? Вы ведь мне по возрасту практически в дочери годитесь – дал же некогда бог другу моему и однополчанину Федору Кузьмичу, в вашем лице, столь прекрасное пополнение семейства».

Было в ласковости, источаемой Александром Федосеевичем, что-то фальшивое, чрезмерно галантерейное. Точнее, звучали эти слова в его устах неестественно, и становилось очевидно, что ему милеть людскою ласкою приходилось в этой жизни значительно реже, чем вставать железа тверже.

– Какая я вам дочка? – буркнула Лера. – Вам и сорока еще нет.

– Попа-ала, девочка, попа-ала, – пропел товарищ Пнин, – и впрямь нет. Значит, вы мне как сестренка младшая... А дело у меня к вам вот какое, дорогая Лера, и вот почему я приехал сюда, на ваше рабочее место. Мне ваш супруг Вилен докладывал, что вы встречаетесь с иностранной гражданкой, Марией Стоичковой. Это так?

– Да, – пролепетала Лера и тут же решила оправдаться: – Я понимаю, что мне, как секретносителю, запрещено, но Кудимов, мой муж, заверял меня, что это просто необходимо для его работы и полностью согласовано с инстанциями.

– Так-то оно так, – заметил Александр Федосеевич, – да только ведь не все время в этой жизни супруг ваш замечательный рядом будет находиться. Не всегда ведь он вас прикрывать станет. А если вызовет вас вдруг тот же начальник первого отдела, имярек, – он назвал имя-отчество хозяина кабинета, – и скажет: «Сигнал на вас поступил, Кудимова. Встречаетесь вы с иностранцами». Что вы ему ответите?

– Я? Ему? О чем? С какими иностранцами? – Вид у Леры стал столь удивленный, что пришлый кагэбэшник чуть в ладоши не захлопал. Да даже и хлопнул два раза – величественно, по-державному.

– Правильно, – сказал, – так держать, и ни в чем не сознавайтесь, очной ставки требуйте, а как выйдете из кабинета, так непосредственно мне звоните, я дам свой прямой телефончик, без секретаря.

– Так ведь хорошо, чтобы меня еще из того кабинета выпустили, – отпарировала Кудимова.

– Выпустят, Валерия, выпустят. Времена сейчас другие пошли. Да и вы *нам* нужны. И вашу дружбу с этой болгаркой Марией *мы* ценим. И хотим, чтобы она переросла в нечто большее. В устойчивое, так сказать, сотрудничество. А конкретней: имеются у нас сведения, что гражданка Стоичкова сделает попытку завербовать вас в интересах иностранной разведки. Или уже сделала?

– Никак нет, – помотала головой Лера и глаза прикрыла.

– Что, страшно?

– Страшно, – честно ответствовала Лера. Для нее, девушки тридцать пятого года рождения, еще с дошкольных – довоенных – времен слова «враги народа», а также сопутствующие им: «шпионы», «вербовка», «диверсанты», «измена Родине», – были словно адская, каинова печать. Враги таились повсюду, они всех подряд жителей СССР мечтали завербовать и поставить себе на службу. И вот теперь ей предлагали совершить самый черный грех, какой только

существовал для советского человека: изменить родине. Да кто он сам таков, этот Александр Федосеевич, что подобное советует? Не враг ли? Не шпион?

– Да почему вдруг я? – пробормотала Лера. – При чем здесь я? У меня ведь и муж есть. Он точно так же, как я, с Марией этой знаком. А он человек, подготовленный специально. Он служит. А я... Что я?

– Вы понимаете, Лера, – задушевно произнес чекист, – прокачивали мы негласно насчет вербовки Вилена вашего – вы только ему не говорите, а то ведь расстроится парень. Он ведь человек умный, грамотный, преданный, безусловно. Да только он товарищ такой, – и кагэбэшник нарисовал в воздухе руками нечто похожее на картонную коробку, посылочный ящик. – Прямой и честный, хотя себе на уме. И хваткий, своего не упустит. Но вы ведь, Лера, вы не такая. Вы ведь вот такая. – И Александр Федосеевич изобразил руками нечто гибкое и извилистое, словно прошмыгнувшего зверька, или рыбину, или даже змею. – Вы, Валерия, вы – настоящая Лиса Патрикеевна.

Валерия изобразила удивленный и даже оскорбленный вид. А собеседник продолжал, не останавливаясь:

– Вы ведь на все руки от скуки: и прихвастнуть, и обмануть, и хвостиком вильнуть, и соблазнить. Вы настоящая женщина. Я даже вами восхищаюсь. Немного по-отцовски или как братеньник старший – но тем не менее.

– Да откуда вы знаете-то меня? – с неподдельным изумлением воскликнула Кудимова. – Мы с вами первый раз встречаемся!

– А – изучали, – со всей серьезностью отвечал кагэбэшник. – Вы ведь недаром в студенческом самодеятельном театре играли. Как там он у вас, в Авиационном, назывался? «Телевизор»?

– Да, я играла, просто потому что у нас в институте всегда девчонок было мало, – фыркнула Лера. – Нехватка женского полу имела для нормальной театральной труппы.

– Это вам ваши сокурсники, бездари, вкручивали. А на самом деле вы настоящая актриса, очень талантливая. Именно такой человек нам и нужен. Нужны – вы. Для того чтобы смочь убедить вашу Марию, что вы искренне идете на вербовку, что вы переживаете в душе, рассказываете, что вам трудно, и прочая, прочая. Как хотите, но именно вы – это сыграть сможете. Ваш муженек – нет. А вы – сможете.

Лера минуту подумала, а потом тяжело помотала головой:

– Нет, я не хочу.

– Не хотите вы! – воскликнул чекист. – А если Родина вас просит? Отечество вам говорит: надо? Да, трудно, страшно, но что делать: надо! Я, конечно, не уполномочен делать вам столь ширококатегоричные заявления, однако только намекну: ведь карьера ваша и здесь, в вашем «ящике», после этого полетит стрелой. И у мужа вашего дела в гору пойдут. Да вся семья ваша, включая отца вашего, Федора Кузьмича, серьезно продвинется.

Еще минуту подумала Лера и снова помотала головой:

– Не пойду. Не стану. Не справлюсь я.

– Лерочка, – проговорил вроде бы чрезвычайно ласково визитер, однако в его голосе зазвучали теперь одновременно яд и холод, – вы ведь неслучайно на эту работу призываетесь. Мы ведь оценили, например, всю ту ловкость, с которой вы осуществили устранение вашей соперницы, Жанны Спесивцевой. – Лера ахнула про себя: и это он знает, а Пнин продолжал: – Вы продемонстрировали тогда своим родным и всему миру, что, дескать, вспыхнули, вышли из себя и, как следствие, осуществили убийство в состоянии аффекта.

Кровь бросилась Лере в лицо, и она пробормотала: «Все так и было».

Однако ее визави воскликнул даже весело:

– А вот и нет! – А после продолжил, задушевно: – Вам ведь совершенно не нужно было тогда приглашать на свой собственный день рождения, в октябре пятьдесят девятого года,

эту Жанну. Кто она вам такая? Подружка, даже не ваша, а вашей подруги – Гали Иноземцевой. Всего лишь! Зачем звать? Пошли навстречу мужу? Вилен ваш, конечно, в тот момент очень собой гордился: какой он хитрый и ловкий, на именины собственной жены – возлюбленную привел! Да только он бы и шагу не сделал, когда бы вы ему не разрешили. А кто, кроме вас? Квартира ваша – вернее, родителей, но это в данном случае все равно. Праздник – ваш. Вы там хозяйкой были, и вы, и только вы Жанну убиенную туда позвали, к себе на квартиру. Потому что вам с самого начала понятно было: папаня, Федор Кузьмич, сразу примчится, станет вас выгораживать. И все гости показания соответствующие дадут: Лера, дескать, пришла в умоисступление, оттого что Жанна к вам на именины приперлась и с мужем вашим собственным заигрывала. А вы ведь, Лера, ни в какое умоисступление не приходили. Все ведь было вами рассчитано до мелочей. Вы предвидели – а скорее, подстроили – и то, что Жанна с вашим муженьком в спальне той злосчастной окажется, с кинжалами на стене. И что вы туда ворветесь и в порыве страсти Жанку зарежете. Зарезать – да, зарезали. Но только не в порыве страсти, а в результате хладнокровной и продуманной спецоперации. И знаете, что вас выдало? А я вам сейчас скажу. Вот показания вашей прислуги домашней, Варвары. Цитирую близко к тексту.

И чекист достал из внутреннего кармана блокнотик и стал зачитывать:

– «Где-то за месяц до убийства Валерия Кудимова велела мне наточить все ножи в доме – включая кинжалы, висевшие на стене на ковре в спальне». Включая, заметьте, Валерия Федоровна, включая кинжалы на стене. И потом: какая трогательная забота! О ножках в доме побеспокоилась не сама прислуга, и не маменька ваша, Ариадна Степановна, и даже не отец, глава дома, Федор Кузьмич! Нет – вы, дочка!

– Это случайность, – пробормотала Лера.

– Нет, дорогая моя, совсем не случайность! Да, вы рассчитывали, что нож будет острым! Что вы схватите его якобы в порыве страсти, и он войдет в сердце Жанны как по маслу. И на то, что ваш папенька примчится в квартиру с дачи через тридцать-сорок минут раньше милиции и станет вас выгораживать... Вы только не рассчитали столь великолепного для вас исхода. Недооценили моральной силы и отцовской любви вашего батюшки. Вы надеялись, что благодаря его заступничеству и благоприятным показаниям друзей вас признают-таки виновной в убийстве в состоянии аффекта – а может, даже по неосторожности. Ну, дадут лет семь, выйдете условно-досрочно через три с половиной. Муж, вам обязанный пропиской и прекрасным тестем, наверное, дождется... Да только генерал Старостин добился большего! Того, что все гости оболгали покойную – и того, что вас, Лера, даже не судили и ни на один денек не посадили. Однако у каждой медали имеется две стороны. И теперь вам приходится – и придется! – до конца жизни существовать под дамокловым мечом: а вдруг кто из тех, что был на вечеринке, изменит свои показания? А вдруг дело снова откроют и пересмотрят? Ей-ей, право! Легче было бы отсидеть с самого начала!

Лера выглядела совершенно раздавленной. Сгорбилась у стола и обхватила голову руками – из одной этой позы можно было сделать неоспоримый вывод: все, что говорит чекист, – правда.

– Я бы мог пригрозить вам, что *мы* снова заставим прокуратуру рассматривать это дело и исход нынешнего рассмотрения будет самым неблагоприятным для вас. И я думаю, вы, Валерия, не сомневаетесь в том, что *мы* можем это сделать. – Слово «мы» звучало в устах собеседника столь весомо, словно означало: «мы, все чекисты страны» или даже «мы, советская власть». – Однако зачем, согласитесь, нам всем лишний шум? Ведь вы, я думаю, не сомневаетесь, что если *мы* захотим влиять на вас, у нас есть гораздо более действенное средство. И впрямь: вы работаете здесь, в «почтовом ящике». Ваш отец является освобожденным секретарем парткома крупного секретного завода. Наконец, ваш супруг, Вилен, и вовсе наш сотрудник. Наверное, вы все – особенно вы с Виленом, как люди молодые, – рассчитываете на то, что ваша дальнейшая работа не будет осложнена никакими неприятностями, и карьера ста-

нет идти по нарастающей. Однако, полагаю, вы не сомневаетесь и в том, что мы в состоянии затормозить и осложнить продвижение по службе, всем вместе и каждому в отдельности. Если только вы не в ЖАКТ⁵ дворником пойдете, – ухмыльнулся довольный своей шуточкой секретный сотрудник. – Поэтому вам, Валерия Федоровна, следовало бы серьезно подумать, как искупить свои грехи перед советским народом. И шанс для вас прекрасный представляется. Выполнить свой долг пред Родиной. Это ведь какая возможность! Не всякому выпадает. И не всякому дается: хитрыми ходами и уловками внушить нашему главному противнику совсем не то, что есть на самом деле, дезинформировать его, ввести в заблуждение. А то, что вы сможете, – мы знаем. Есть у вас необходимые способности и таланты. Может, вы одна такая на сотню или даже на тысячу советских людей, которая сможет выполнить эту сложную, но почетную миссию. Короче говоря, *мы* на вас надеемся. Не спешите, время пока есть. Подумайте, с мужем посоветуйтесь – разумеется, с соблюдением всех требований конспирации. А послезавтра позвоните мне. В любое время. Меня найдут, где бы я ни находился, и немедленно с вами соединят. Этой операции и вашему в ней участию, Валерия, мы придаем особенное, первостепенное значение.

Полигон Тюратам (космодром Байконур).

Владик

В конце июля шестьдесят первого на полигоне стали готовить полет второго советского космонавта, Германа. А Владика, судя по всему, и после этого запуска не собирались возвращать с полигона в Москву. И тогда он набрался наглости.

На все самые важные операции в МИКе (монтажно-испытательном корпусе) обычно приходил Королев. И потому, что хотел все, что только возможно, проконтролировать сам. И для того чтобы своим видом и участием подстегнуть работников.

Владик за девять месяцев, что проторчал безвылазно на полигоне, и впрямь на собственном участке руку набил. Еще бы! Шестой корабль «Восток» готовил к запуску (два в декабре шестидесятого – с собачками, два с манекенами и живностью – в марте, пятый в апреле – с Юрой Первым). Вдобавок три старта в феврале к Венере – там, конечно, и станция была другая, и четвертая ступень у той ракеты имелась, да в принципе-то все похоже. В итоге схемы-соединения корабля и ракеты знал Иноземцев назубок. Посему заметил, как к нему уважительно стали относиться и офицеры из расчета, что были за операцию ответственны, и прикомандированные специалисты из ОКБ, и замы Сергея Павловича, и даже сам Королев. Впрочем, последний никогда свою приязнь в открытую не демонстрировал – считал, доброта коллектив расхолаживает. Но по каким-то взглядам, репликам ЭсПэ или даже повороту его могущей головы Владик чувствовал: главный конструктор относится к нему (как тогда говорили) положительно. И вот, когда основной этап стыковки корабль – ракета был закончен и Королев, в окружении немалой свиты, собрался отходить от *изделия*, Иноземцев к нему обратился:

– Сергей Павлович, у меня к вам письмо. – Он и впрямь решил изложить все свои претензии на бумаге. Действительно, девять месяцев торчит безвылазно и непонятно почему здесь, в Тюратаме. Даже простой лейтенант в отпуск имеет право выехать, не говоря о прикомандированных гражданских, а ему за что здесь сидеть?!

Королев мгновенно если не вскипел, то выразил основательное неудовольствие: «Что еще за письмо?!» Всей своей трепаной шкурой старого лагерника он не терпел никаких неофициальных передач документов из рук в руки. Несмотря на то, что, кроме главного конструктора, Владика еще слышали как минимум два десятка пар ушей и рассматривали два десятка пар глаз, включая нескольких космонавтов и собственного непосредственного начальника, Кон-

⁵ Жилищно-арендное кооперативное товарищество, аналог нынешнего ДЭЗа.

стантина Петровича Феофанова, Иноземцев все-таки проямлил: «Письмо личного характера».

– В чем дело? – Главный конструктор продемонстрировал непреклонное желание разобраться во всем, не сходя с места, немедленно.

– Я Владислав Иноземцев... – начал Владик.

– Я знаю, – оборвал его Королев. Все вокруг наблюдали их диалог как зоопарк, бесплатный цирк. Но молодой человек нашел в себе силы продолжить:

– Я нахожусь на технической позиции безвыездно более девяти месяцев...

И снова главный конструктор пресек его излияния – создавалось впечатление (да так оно, наверное, и было), что в сутках тому надо было проделать в три, или в пять, или в десять раз больше дел, чем Владику и прочим (хотя и Владик, и прочие тут, на полигоне, тоже не сложа ручки сидели).

– Я разберусь, – отрезал Королев. – Подойдешь ко мне, когда корабль на орбиту выведем.

И главный конструктор, сопровождаемый всей свитой, словно таран-танк-колобок, понесся к выходу из МИКа.

...Посему получилось, что, кроме естественных волнений, связанных с полетом «Востока-два»: как ракета уйдет от стола, выйдет ли корабль на орбиту и прочее, Владику добавилось: как он сам сумеет в сумятице, обычно следовавшей после успешного пуска, проникнуть к Королеву и что тот ему скажет. Откладывать никак было нельзя: сразу после того, как «Восток-два» на орбиту выйдет, главный конструктор и прочие шишки немедленно покинут космодром и отправятся кто к месту приземления, а кто напрямик в Москву.

Роль старожил на технической позиции дала Иноземцеву привилегию – получить красную повязку на рукав и остаться в бункере – пусть не в пультовой комнате, откуда осуществлялся пуск, и не в гостевой, где сплошь толпились академики, герои, генералы и цекисты, – но все-таки. И он, за время работы у Королева наученный тому, что приказы последнего всегда следует понимать и исполнять буквально, все-таки выбрал момент и протиснулся к главному конструктору, когда тот, непосредственно после выхода корабля на орбиту, в толпе жаркой свиты заспешил к выходу из бункера.

– Иноземцев, – напомнил он о себе. – По поводу...

– Помню, – отрезал Королев и дальше продолжил, понизив голос – щадя самолюбие (да и будущую карьеру) молодого инженера: – Знаешь, Иноземцев, сиди-ка ты и не чирикай. И радуйся, что на объекте «Тайга» находишься, – (полигон в Тюратаме имел кодовое наименование «Тайга»), – а не в реальной тайге, на лесоповале. Понял меня?

Что оставалось Владику? Только проговорить: «Так точно», – и, отстав от свиты, похоронить все надежды (а они были, были!) попасть сегодня на одном из спецбортов, что будут развозить приехавших на запуск начальников и конструкторов, в Москву. Подумать только, они все сегодня-завтра окажутся в столице, а ему продолжать сидеть тут, в пустыне!

Москва.

Лера

В ванной, под шум включенной воды, Вилен рассказал ей, кто такой Пнин. Голос его звучал с придыханием:

– Да ведь он полковник! Замначальника главного управления! Да о чем тут думать!? Конечно, надо соглашаться! На все его предложения! Да если ты не согласишься, ты и меня подставишь, и отца!

– Не жалеешь ты меня, – вздохнула Лера. – А еще мужем называешься.

– Напротив, – нашелся Кудимов, – я делаю тебе великую карьеру.

– Себе ты делаешь великую карьеру, – вздохнула молодая женщина.

А назавтра позвонила Александру Федосеевичу и сказала, что согласна. А тот назначил ей и Вилену встречу – на этот раз на конспиративной квартире: той самой, в которой в конце шестидесятого года проходило совещание, определившее тогда дальнейшую судьбу Владика⁶. И там Лера с мужем получили подробнейший инструктаж, как вести себя на встречах с Марией.

* * *

Вскорости отец Леры, Старостин Федор Кузьмич, вместе с матерью ее, Ариадной Степановной, отбыл на курорт, в санаторий для высшей номенклатуры «Сочи» в одноименном городе. Любили они на юге отдыхать весной и осенью – тем самым весну себе приближали или лето продлевали. Таким образом, парочка Лера и Вилен стали на время полными хозяевами не только пятикомнатной квартиры на Кутузовском проспекте, но и дачи в Барвихе.

Вдобавок Вилен, в соответствии с поговоркой «Зять любит взять», – стал прибирать к рукам генеральский «четырехсотый» «Москвич». Автомобиль все равно стоял мертвым грузом в гараже на даче генерала. Сам Федор Кузьмич перемещался обычно на персональной машине – недавно ему дали черную «волгу» с шофером. «Москвичок» предназначался для тещи Ариадны, однако она к автомобилизму относилась прохладно. А тут Вилен, раза по четыре в неделю заводивший разговоры, что, дескать, неразумно гноить без движения транспортное средство, наконец, получил от генерала формальное «добро» и пошел на курсы автовождения при ДОСААФ. Не жалея себя, трижды в неделю изучал устройство автомобиля, правила дорожного движения и вождения. Да еще в те годы машин на улицах было настолько мало, что позволялась учебная езда без прав – поэтому Вилен по вечерам и сам тренировался, и супругу Леру катал.

Вскорости после отъезда Старостиных-старших на курорт на объектах недвижимости, что принадлежали семье, на даче и в городе, сотрудники оперативно-технического управления КГБ перевели прослушку с профилактического режима в постоянный. Негласно проникли и поставили «жучок» даже в «Москвич». Однако к расшифровкам разговоров, ведшихся в квартире, на даче Старостиных и в их машине, теперь не имели доступа никакие инстанции. Их каждое утро, минуя промежуточные звенья, клали на стол Александру Федосеевичу Пнину, который (не врал Лере ее муж) являлся полковником и заместителем начальника второго главного управления (контрразведка). Кудимовым, разумеется, о том, что слушают их теперь постоянно, не сообщили, но они оба и без того не дети были, предполагали нечто подобное.

На последние мартовские выходные они пригласили Марию к себе на дачу. Болгарка вроде верность Владiku хранила – во всяком случае, в глазах Кудимовых. Ни с кем больше не встречалась и к ним приехала одна. Встретились у метро «Кутузовская», а потом покатали на дачу, словно баре, на личном автомобиле – с Виленом за рулем.

На двухэтажной даче с огромным участком молодежная троика чувствовала себя как рыба в воде. Снег еще не сошел, и было холодно, однако по высокому небу, щебету синиц, проталинам в снегу чувствовалось: скоро весна.

Вилен растопил печь. Он был на все руки мастер, и Лера не без гордости поглядывала на его точные экономные движения. Потом молодой человек развел в бочке на улице костер и пожарил мясо.

Шашлыки удались. Девушки накрыли стол. В хозяйстве у мамы нашлись даже белейшие накрахмаленные скатерти. Мария крепкого алкоголя не пила, поэтому стол уставили бутылками грузинского сухого и крымских портвейнов. Вилен сыпал шутками и каламбурами, под-

⁶ 1 Более подробно о том совещании написано в романе Анны и Сергея Литвиновых «Сердце Бога».

ливал обеим своим дамам. У него, впрочем, имелся графинчик с сорокаградусной наливкой, лично тестем настоящей на калине.

Провели время весело, Лера отыскала всем кирзовые сапоги, ходили прогуляться по раскисшим окрестностям, потом снова пили и слушали магнитофон. Часов около десяти Вилен притворился пьяненьким и ушел на второй этаж спать.

А Мария принялась рассказывать Лере о Париже. Она никогда не скрывала, что там бывала. Но раньше Кудимовы никогда этот разговор не поддерживали, а тут Лера, якобы спонтанно, воскликнула:

– Господи, Мими! Как же я тебе завидую! Как бы я хотела тоже оказаться там, на берегах Сены! Побродить среди лавочек букинистов, посидеть за столиком в кафе!

– А почему бы нет? – казалось, искренне удивилась Мария. – Хочешь, поезжай. Если надо, мой чичо (дядя) сделает тебе приглашение.

– Я же тебе объясняла, Мими: и я, и Вилен работаем на секретных предприятиях. И нас никогда, никогда и ни за что не выпустят за границу.

– А вы уезжайте без разрешения, – хихикнула болгарка.

– Как это?! – Лера сделала вид, что поражена.

– Я могу устраивать, – кивнула та. – Вы сбежите. Ты и Вилен. Или ты хочешь уйти одна, без него?

– Как это возможно?! – воскликнула Кудимова – и непонятно, к чему относилось ее недоумение: к самому факту предательства? К отъезду в одиночестве, без Вилена? Или к технической возможности тайно покинуть пределы СССР? А Мария, не конкретизируя, деловито продолжила:

– Я буду говорить с моим чичей. Он имат возможность перевезти вас от СССР.

– Но ведь меня проклянут все, кто останется здесь! – проговорила Лера.

– А тебе что? – вскинула на нее очи Стоичкова. – Отцу твоему ты объяснишь. Ему не будут сильно вредить. Сейчас иные времена, не сталинские. А до остальных люди тебе дела нет.

– Ты пугаешь меня, Мими, – тяжело выдохнула Кудимова.

Мария иногда, особенно в трудных местах переговоров, вдруг переходила на родной язык, однако все равно почти все было понятно.

– Не се страхуйте. Трудно те се реши. (Ты не бойся. Трудно решиться). Потом свыкнешь. Только трябва имат капитал, чтоб живее в Париж и никакыв начин не са в нужда.

Однако Лера все равно переспросила: «Что-что?» – хотя бы для того, чтобы выиграть время и как можно точнее ответить. Мария перевела:

– Тебе требуется имат капитал, чтобы жить Париж или другой град на Западе и ни в чем не иметь нужда.

– Капитал! – усмехнулась Лера. – Какой там капитал! Да, у мамы есть немного драгоценностей, бриллиантов и ожерелий, но я не могу их у нее забирать.

– Нет. Ты имашь иной капитал, и он тоже весма ценен.

– Что ты имеешь в виду?

– Информасия. Ты ведь в авияцията проектантa бюро работаешь, так? Я познавам люди, които са силно заинтересовани от това. Те са готови да платят за такава информасия. (Я знаю людей, которые сильно заинтересованы в этом. Они готовы платить за такую информацию.) Много денег. Французские франки или доллары, как ты скажешь.

– Нет, нет, я не хочу. Ведь это же предательство Родины.

– Почему предателство? – сильно удивилась болгарка. – Просто продажа информасия. Зато ты сможешь жить, где искаешь. И путешествовать по целия свят. А знаешь, какая Париж тепер имат новая мода? – Мария посмотрела прямо в глаза Лере своими пьяненькими глаз-

ками, в которых читалось что-то необычное, чертовское. – Там одна девушка живет с другая, как семья. Они любят друг друга и спят вместе. И их никто не осуждает.

– Фу! – скривилась Лера.

– Не говори «фу», попробуй сперва.

И она потянулась к ней через стол, погладила рукой по щеке, а потом поцеловала в губы – нежно-нежно, как ни Вилен, ни какой другой парень ни разу никогда не целовал. Внутренности Кудимовой словно пронзили маленькие молнии, электрический ток. Стало жгуче любопытно: а что же дальше? И приятно, и греховно... Но никакой подобный вариант они с полковником Пниным не обсуждали, и многолетние, с самого детства табу и запреты, и стыд сработали, и поставили мощный блок, и сказали: так нельзя. Лера отшатнулась и пробормотала: «Нет-нет, не надо так больше делать».

– Да что ты испугалась? Това не означава нищо. – расхохоталась Мария. – Мы просто приятели.

Спали они в ту ночь в разных спальнях – точнее, Лера, как всегда, с Виленом, а Мария – в одиночестве, в опочивальне генерала Старостина и Ариадны Степановны.

Наутро Вилен, гордый своими достижениями автомобилиста, подвез девушек назад, к метро «Кутузовская». И, когда они расставались, Мария шепнула Валерии:

– Я скоро передам тебе вопросы, что интересовани моего чичо.

Галя

В октябре шестьдесят первого генерал опять уехал. Обычно он никогда не информировал заранее, куда собирается и зачем. А тут расщедрился и на прощание Гале сказал: «Мы едем с обоими космонавтами-героями в Крым. Надо организовать им полноценный отдых».

Однако вернулся Провоторов раньше, чем она ждала, и совсем не таким, как приезжают с курорта: весь аж землистый, и лица на нем нет. Иноземцева знала: расспрашивать его ни о чем, что касается службы, не надо. Поэтому покормила его – дома нашлась и картошка жареная, и отварная курица, и бутылочку беленькой спроворила. Разговаривали о пустяках, но при упоминаниях Крыма, даже в самом невинном контексте, вроде погоды, Галя видела, как закаменевают лицо Ивана Петровича, как начинают ходить желваки на скулах.

Потом она уложила спать Юрочку, но генерал ситуацией не воспользовался, ее атаковать не стал – в чем никогда себе, появляясь дома, прежде не отказывал – особенно в первый день после поездки. Напротив, все сидел на кухне, курил невпродых и выпивал, в одно лицо, огненную воду. Галя пошла в спальню и легла в одиночестве – точнее, рядом с мирно сопящим Юрочкой.

А среди ночи ее что-то прямо как толкнуло. Она вскочила, накинула на ночнушку халатик и вышла на кухню. Генерал сидел, как был, в майке и форменных брюках, за столом и что-то быстро писал своей самопиской. Галя не любила заглядывать в чужие письма, но тут помимо воли углядела. В шапке значилось: «В Президиум ЦК КПСС», а ниже: «Заявление» и: «Я, такой-то, признаю себя виновным в том, что...» – дальше прочитать не удалось, Провоторов, вот старая сталинская школа, перевернул листок.

Но не это поразило Галю – в конце концов, заявление, даже в адрес ЦК, это просто слова, а другое: лежащий на кухонном столе пистолет. А рядом – бутылка водки, почти опустевшая. И пустой стакан. И – вид генерала: да, от него распространялся крепкий алкогольный дух, но, несмотря на это, он не производил впечатления пьяного, ослабевшего, растекшегося. Напротив – невзирая на затуманенный взгляд, Иван Петрович был полон решимости. И вот это пугало больше всего: решимости – к чему? Учитывая лежащий на столе пистолет?

Галя тоже умела быть твердой и поэтому спросила:

– Иван, что случилось?

– Я не могу тебе рассказать, – отвечал генерал и сделал выразительный взгляд наверх: мол, тут и стены имеют уши. Учитывая именование их местожительства: Дом правительства – его жильцов и его расположение – самый близкий к Кремлю жилой дом! – предосторожность была не лишней.

Галя упредила рассказ и, основываясь на увиденном, ответила Провотворову не менее жестко:

– Что бы ни случилось, это не стоит твоей жизни. Подумай обо мне. Что станет со мной? С маленьким Юриком? Нас просто вышвырнут отсюда. Мы с тобой даже не расписаны. Не надо, Иван. И потом, перед кем ты собрался каяться? – Провотворов дернулся. Галя поняла, что попала в точку, и решила добавить, зная взгляды генерала: он ведь нынешний президиум ЦК, а особенно ничтожного Хруща (как он его называл), ни в грош не ставил. – Я бы поняла, перед Иосифом Виссарионовичем. А перед этими, нынешними?! – Ее сожитель был закоренелый сталинист, и сколько бы Хрущев ни поливал своего прежнего хозяина, взгляды генерала оставались прежними: Сталин – великий вождь и полководец, превративший лапотную Россию в передовую державу. А теперешние руководители – просто безответственные болтуны, проматывающие огромное наследство бывшего политического гения.

– Тсс-сс, – остановил ее генерал, – не надо вслух.

– Да наплевать, – выкрикнула Галя. – Пусть слушают. Что они сделают? Ведь они, теперешние, даже наказывать никого не умеют как следует.

Эта реплика также произносилась в основном, чтобы потрафить возлюбленному, и своей цели она достигла: Провотворову понравилось.

– Пойдем, расскажешь мне, в чем там дело. – И она увлекла Ивана Петровича за собой. Для надежности сняла со стены телефон, положила его на пол и прикрыла сверху подушкой. Генерал, в какой-то момент ставший податливым, словно сыночек Юрочка, дал привести себя в ванную комнату. До эпохи водяных счетчиков оставалось еще полвека, и Галя, не жалея воды, открыла оба крана, в раковине и в ванне. – Так тебя никто не услышит, – удовлетворенно резюмировала она. – Расскажи лучше *мне*, чем перед этим кукурузником каяться. – И последняя реплика также понравилась генералу.

– Большущая неприятность, – выдохнул он. – Юра Самый Первый чуть не убился.

– Живой?

– Да, слава богу, жив. Но покалечился сильно. Все лицо разбил.

– А при чем тут ты? – жестко спросила молодая женщина.

– Как при чем? Я к ним приставлен был...

– Приставлен? – расхохоталась она. – Да ведь они не дети!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.